

EXTENSION.AZ

БАРХАТНЫЕ ПРИЗНАНИЯ

EXTENSION.AZ

БАРХАТНЫЕ ПРИЗНАНИЯ OFF THE VELVET CHEST

КУРАТОР

Асли Самедова

Агиль Абдуллаев
Тора Агабаева
Фаиг Ахмед
Орхан Гусейнов
Махаббат Казимова
Медина Касимова
Назрин Мамедова
Сурайя Муганлы
Нияз Наджафов
Вюсал Рагим
Марал Рахманзаде
Айдан Салахова
Фархад Фарзали
Ирина Эльдарова
Зарнишан Юсиф

CURATOR

Asli Samadova

Agil Abdullayev
Tora Aghabayova
Faig Ahmed
Orkhan Huseynov
Mahabbat Kazimova
Medina Kasimova
Nazrin Mammadova
Surayya Mughanli
Niyaz Najafov
Vusal Rahim
Maral Rahmanzadeh
Aidan Salakhova
Farhad Farzali
Irina Eldarova
Zarnishan Yusif

t⁹

triumph gallery

Москва | 2019 | Moscow

Бархатные признания

АСЛИ САМЕДОВА

Перед отъездом из родного Баку в 2008 году, Садагат Хаял-Кушку получила на память от коллег небольшой акварельный рисунок с изображением нефтяных месторождений. Спустя несколько лет акварель авторства известной художницы Марал Рахманзаде обрела свое постоянное место на стене рабочего кабинета в особняке, расположенном на площади Сейнт-Джеймс в Лондоне. Рисунок служил напоминанием о Баку и о прошлом, оставленном позади ради международной карьеры в транснациональной нефтяной компании.

Личный путь Садагат Хаял-Кушку к успеху и увлечение жизнью Марал Рахманзаде сформировали ее интерес к современному искусству, фокусом которого стало коллекционирование работ художниц из Азербайджана. А началось все с поисков собственной идентичности, которые вылились в персональный проект под флагом «возвращения к корням». Выйдя за рамки простой эгоцентричной идеи отмечать каждый важный этап в личной и профессиональной жизни покупкой произведения искусства, это начинание взрастило тонкого коллекционера, которым движет вопрос: «Что я могу сделать, чтобы привлечь больше внимания к азербайджанскому искусству и в особенности к художницам-женщинам?» Коллекционирование стало искренней миссией, направленной на расширение прав и возможностей женщин, на продвижение их развития и усиление их голосов. Подсознательно коллекционер превратила свое собрание в визуальный дневник, в котором отразилось прошлое, настоящее и будущее Азербайджана.

Экспозиция демонстрирует как интерес коллекционера к выстраиванию диалога между художниками, так и желание привнести в выставку частичку себя. Садагат Хаял-Кушку называет свою коллекцию коллективной памятью, собранной в одном пространстве, где искусство провоцирует на размышления, вызывает воспоминания и открывает дискуссии. Целью такого представления является размытие границы между вымышленными историями и фактами.

Первое впечатление остается надолго

Наша первая встреча состоялась в Harry's Bar при отеле Cipriani. По пути мне попался национальный павильон Азербайджана. Плакат, анонсирующий выставку, был уже установлен, а на балконе вывешен национальный триколор. Горящий свет намекал на то, что перед завтрашним открытием доделывались самые по-

следние штрихи. Увидев сидящую в дальнем конце комнаты безупречно одетую женщину, я предположила, что это Садагат Хаял-Кушку. Я бы и сама выбрала это же место, так как, оставаясь незаметной, я могла просматривать все пространство. Садагат создала идеальный антураж: сидя напротив нее и спиной к остальным гостям, я не могла не сосредоточить все свое внимание на ней.

Встреча с этой таинственной фигурой была для меня довольно волнительной. Добившись всего сама к сорока с небольшим годам, Садагат стала самым влиятельным филантропом в современном искусстве, даже при том что, многие годы избегала внимания и оставалась относительно малоизвестна. В ее внешности было что-то успокаивающее и теплое. Я была тут же очарована и ловила каждое сказанное ею слово, пытаюсь их лучше запомнить.

Садагат Хаял-Кушку: Мое богатство — это мои воспоминания, опыт, любимые и коллекция искусства. Для меня коллекционирование — с одной стороны, возможность себя побаловать, но в то же время это и миссия внести ценный вклад в зарождение художественного сообщества. В Азербайджане практически нет первичного рынка, музеи не приобретают работы, отсутствует понимание того, что художнику нужно платить гонорары или плату за участие в выставке, плюс очень немногие из художников получают известность на международной арене. Я хочу, чтобы художники, в которых я искренне верю, творили без границ и не беспокоились о коммерческом успехе своей работы. Я также считаю очень важным, чтобы художники путешествовали или жили за границей. Очень редки случаи, чтобы кто-то получил известность Моранди¹ или Руссо², живя при этом в Азербайджане. Сегодня на руку работает интернет и социальные сети, однако возможности все равно ограничиваются связями и знакомствами, упираются в личное общение... и, честно говоря, очень немногие художники умеют пользоваться инструментами самопродвижения!

Асли Самедова: Что же делать?

СХК: Образование, нетворкинг, насмотренность и развитие чувства вкуса. Полезные международные арт-резиденции обычно спонсируются правительствами или филантропами. Я рассматриваю возможность учреждения стипендии имени

Маралы Рахманзаде, чтобы финансировать участие художников и кураторов из Азербайджана в бруклинской Residency Unlimited, берлинской Künstlerhaus Bethanien и амстердамской Rijksakademie van beeldende kunsten. Довольно амбициозный проект, надеюсь, он найдет поддержку среди моих соотечественников. Пришло время возродить традиции меценатства!

АС: Спасибо, что откликнулись на мой запрос о поддержке международной резиденции кураторов в Баку в 2020 году! Вы первая, кто разглядел ценность этой инициативы. Как вы думаете, почему следует продвигать художников и вкладывать в искусство, хотя есть в то же время гораздо более важные и неотложные проблемы? Не элитарный ли это выбор?

СХК: В каком-то смысле — да. Но если бы властные правители не заказывали работы Низами³, получили бы мы Хамсе⁴? От сокращения бюджетов первыми всегда страдают искусство, культура, здравоохранение и образование. При том что эти области имеют ключевое значение для успеха любой страны. Искусство поощряет креативность и нестандартное мышление. В более развитых странах искусство интегрировано в повседневную жизнь, а посещение музея представляется одним из вариантов отдыха или семейного досуга. Лучшие образцы азербайджанского культурного наследия находятся в крупных музеях за рубежом, но большинство из них хранятся в запасниках и доступны только для научных исследований или в рамках временных выставок. Для такой небольшой страны, все, что связано с национальной культурой — предмет особой гордости, но мы не можем увидеть лучшее из объектов нашей материальной культуры. Для этого необходимы значительные инвестиции в человеческий капитал, исследования, инфраструктуру и совместное планирование с зарубежными музеями. В настоящее время я обсуждаю возможность организации передвижной выставки ранних азербайджанских вышивок⁵, и самые важные музеи, располагающие этими экспонатами в своих коллекциях, предлагают мне возможные даты через пять лет. Музеям современного искусства также требуется время на подготовку, однако есть множество иных площадок для представления современного искусства: галереи, биеннале, фестивали, альтернативные художественные пространства. Я могу даже просто открыть двери своего дома и показывать там работы из моей коллекции! Мой пример показывает, что коллекцию современного искусства можно сформировать и без баснословных трат. Это до сих пор terra incognita. В нашей стране восприятие искусства по большей части

¹Джорджо Моранди (1890–1964) — итальянский художник, проживший всю свою жизнь в Болонье и лишь однажды побывавший за границей в возрасте 66 лет на открытии сольной выставке в Винтерхуре.

²Анри Жюльен Фелис Руссо (1844–1910) — французский художник, никогда не выезжавший за пределы Франции.

³Низами Гянджеви (1141–1209) — поэт-романтик, родившийся в Гяндже, втором по размеру городе современного Азербайджана. Считается одной из самых крупных фигур среди авторов, творящих на персидском языке, чье творчество оказало существенное влияние на поэтические и философские практики.

⁴Хамса — собрание из пяти поэм, заказанных различными правителями Востока либо посвященных им. Считается одним из столпов исламской литературы.

⁵Ранние азербайджанские вышивки — международный академический термин, обозначающий редкие вышивки, относящиеся к XVI–XVIII векам. Значительная часть данных вышивок хранится в иностранных музеях и частных коллекциях.

сводится к декорированию интерьеров или сувенирам. Ни один из этих подходов не способствует развитию исследований и дискурса о современном искусстве Азербайджана. Я считаю, что современное искусство — лучший инструмент культурной дипломатии.

АС: Как куратор, могу подтвердить, что выставлять работы живущего художника гораздо проще.

СХК: Да! Со многими у меня устанавливаются прочные и доверительные отношения.

АС: А покупка работ современников защищает от мошенничества и подделок!

СХК: Точно! Как раз по этой причине я бы никогда не купила Саттара Бахлулзаде, слишком велики риски.

АС: Но у Вас есть Марал. Марал Рахманзаде очень сильно повлияла на состав коллекции. Почему?

СХК: Это был скорее сувенир на память. В силу своего любопытства я начала о ней читать, а это вызвало любопытство и интерес к культуре, к воссоединению с корнями, которые я начала терять, уехав за границу. Азербайджан навсегда в моем сердце, и я с помощью искусства, которое коллекционирую, создаю заповедную территорию эфемерной родины. Моя любовь к родине работает на расстоянии, и я чувствую, что мои ценности могут отличаться от большинства.

АС: Искусство как терапия?

СХК: Отчасти. Нам с мужем, конечно, хотелось бы сравнить себя с супругами Ганц⁶, так как мы тоже начинали с очень ограниченными ресурсами, покупая произведения на сумму месячной зарплаты. Поначалу были и упущенные возможности, и ограничения, сейчас же — это и дисциплина, и страсть. Коллекционирование похоже на гонку: хочется быть первыми в поиске и открытии новых талантов. К счастью либо к несчастью, соперников у нас не так уж много, чтобы разворачивалась борьба за приобретения.

⁶При скромных возможностях, супругам Ганц удалось собрать одну из самых значимых коллекций искусства XX века, включающую работы Пабло Пикассо (в том числе, знаменитую картину 1932-го года «Сон»), Джаспера Джонса, Роберта Раушенберга, Фрэнка Стеллы, Евы Гессе, Мела Бокнера и др.

АС: И кто попал на Ваш радар?

СХК: Я часто бываю в Париже, там высматриваю по улицам цветы Нияза Наджафова и навещаю его студию в Монтрё. Его цветочная серия казалась мне излишне декоративной, до тех пор пока я не увидела их вживую. Знакомиться с художниками важно, чтобы прочувствовать, как вы резонируете и есть ли связь. С Ниязом мы совпали: помимо его таланта больше всего я восхищаюсь его щедростью. Он демократизирует искусство: та же картина, что и в галерее, если повезет, может быть куплена у художника во время его уличных перформансов за символическую плату или просто снята со стены прохожими. Орхан Гусейнов покорило мое сердце видеоработами Global Warming (Глобальное потепление) и Dear Beloved (Дорогой любимый). Орхан повлиял на молодых художников, которые последовали его примеру.

«Так далеко и так близко» — моя характеристика художественных практик Фархада Фарзали и Торы Агабаевой. Они лично не знакомы, но их работы так хорошо дополняют друг друга, что я задумываюсь о парной выставке! Одним из последних открытий стали работы Зарнишан Юсиф и Лейлы Алиевой. Зарнишан выставляется здесь, в Венеции, но ее работа для павильона не отражает всей ее практики. С Лейлой у меня иная история. Однажды я сделала над собой усилие и отделила ее искусство от ее публичного имиджа — тогда ее творчество заговорило со мной на другом, личном уровне. Айдан Салаховой удалось выйти из тени отца и стать самостоятельной художницей. Такая же преемственность наблюдается и с Кайханом Салаховым, кто также сумел выработать свой собственный стиль.

АС: Насколько я знаю, вы в основном коллекционируете произведения женщин-художниц, почему?

СХК: Мне часто задают этот вопрос. Вот если бы моя коллекция состояла исключительно из произведений художников-мужчин, никто бы не стал так интересоваться. Я предпочитаю поддерживать женщин, так как считаю, что им требуется вдвое больше таланта и отваги, чтоб заниматься творчеством. Во многих частях мира женщину воспринимают, прежде всего, как спутника жизни и мать. Ее интересы и желания часто игнорируются.

Off the Velvet Chest

BY ASLI SAMADOVA

AC: Перед нашей встречей я попыталась навести справки, но безуспешно. Вы ведете достаточно закрытый образ жизни. Почему Вы решили теперь открыться миру и выставить свою коллекцию?

СХК: У меня нет аккаунтов в социальных сетях, мне не нравятся гламурные мероприятия, куда ходят сфотографироваться со знаменитостями и политиками. У меня появилась тема, о которой бы мне хотелось больше говорить — это моя коллекция произведений азербайджанского современного искусства. Думаю, мой пример важен для мотивации других.

AC: Что мешает азербайджанскому искусству быть замеченным за рубежом?

СХК: У художников в CV нет выставок. Отказы в выдаче виз, очень дорогие авиабилеты из Баку, куда бы ты ни летел. Нет международных грантов и государственных субсидий на художественное образование. Художникам сложно привлечь финансирование на проекты. Искусствоведение в художественных школах заканчивается на Пикассо. Низкий уровень профессионализма и единства. Никакой коммуникации или обмена информацией. Нет налоговых льгот для поддержки искусства и культуры. Плохой вкус. Нужно ли продолжать?

Обо всем этом я знала и могла бы продолжить данный список, но мне хотелось завершить наш разговор на позитивной ноте, тем более что появилась надежда, что мы находимся на правильном пути, идем к подрыву статуса-кво и к нашей маленькой художественной революции. В конце встречи мы поговорили о ее семье, муже и о значении ее имени — «верная». О том, как она сократила свою азербайджанскую фамилию, чтобы она звучала как слово «мечта», а взяв вторую фамилию мужа-турка, она стала «сомнительной мечтой».

AC: Спасибо за встречу и беседу. Вашу первую выставку я назову Off the Velvet Chest (Бархатные признания).

Я вышла подышать свежим весенним воздухом. Поймала себя на мысли, что уже несколько дней нахожусь в Венеции, но избегаю прогулок по площади Сан-Марко. Оркестр кафе «Флориан» ознаменовал мое прибытие арией *Nessun dorma*. Пока я пересекала площадь в направлении Палаццо Дукале, я повторяла, как новую мантру, «*All'alba vincerò*». Часы объявили о наступлении нового дня — 9 мая.

In 2008 Sadaqat Khayal-Kuşku received a small watercolour drawing depicting Baku oil fields as a goodbye gift from her colleagues. The drawing made by a prominent female artist Maral Rahmanzadeh after some years found its place on an office wall in a mansion located at St James's Square, London as a reminder about Baku and what she has left behind to pursue international career in a multinational oil exploration company.

Sadaqat Khayal-Kuşku's personal journey to success and fascination with Maral Rahmanzadeh's life have formed her interest in contemporary art and direction of collecting predominantly female artists from Azerbaijan. It all started from a self-identity quest which resulted in "back to the roots" personal project. Starting from a selfish idea to mark every important milestone in her personal and professional life with a purchase of an artwork, she evolved into a sensitive collector who once posed a question "What can I do to give more visibility to Azerbaijani art and women artists in particular?" Collecting became a passionate mission to empower women and to help them to grow and amplify their voices. Subconsciously, she has turned her collection into a visual diary that mirrors Azerbaijan's past, present and future.

The display of the art manifests the collector's interest in building dialogues between the artists and intertwining them with personal stories. Sadaqat Khayal-Kuşku refers to her collection as a collective memory put together in one space where art ignites reflections, evokes memories and provokes discussions. Such display aims at blurring the line between invented stories and facts.

First impression lasts long

Our first encounter was at Harry's Bar of Hotel Cipriani. On my way I passed by Azerbaijan national pavilion. The poster was already installed and the tricolor flag was hung on the balcony. The light was still on: probably final touches were made prior to the official opening.

I assumed that immaculately dressed lady seated at a far end of the room was Sadaqat Khayal-Kuşku. I would have chosen the same spot as it allowed observing the entire room but not being immediately noticed. She has staged a perfect entourage: as I sat opposite to her, with my back to all other guests, she became the center of my attention. I was slightly nervous to meet this mysterious character. A self-made and successful lady in her mid-forties, she was the most important

philanthropist in contemporary art yet known to very few as for years she preferred to avoid much limelight. Something soothing and warm was in her appearance. She immediately charmed me and I was grasping and trying to memorize each word she was saying.

Sadaqat Khayal-Kuşku: My wealth are my memories, experience, beloved ones and my art collection. Collecting is an act of self-indulgence, but I also have a mission to do something of value for emerging artistic community. There is barely any commission or museum acquisitions, idea to pay an artist honorarium or a participation fee for an exhibition is nonexistent in Azerbaijan and very few artists get international exposure. I want the artists I truly believe in to create without boundaries and not to think about commercial success of their works.

I also find it very important for artists to travel or live abroad. It is rare that someone residing in Azerbaijan would gain the fame of Morandi¹ or Rousseau². Internet and social media help nowadays, still opportunities are limited to personal connections and face-to-face conversations... and to be honest, very few artists know how to use the self-promotion tools!

Asli Samadova: What is the solution?

SKK: Education, networking, training one's eye and developing taste. Good international art residencies are usually sponsored by governments or philanthropists. I am considering to establish a scholarship named after Maral Rahmanzadeh to fund participation of artists and curators from Azerbaijan in Residency Unlimited in Brooklyn, Künstlerhaus Bethanien in Berlin and Rijksakademie van beeldende kunsten in Amsterdam. Quite ambitious project I hope my compatriots would join. It is time to revive philanthropy traditions!

AS: Thank you for supporting my request to sponsor residency for international curators in Baku for 2020! You are the first who saw the value in this initiative. Why do you think people shall promote artists or invest in art when there are so much more important and urgent problems to resolve? Isn't it an elitist choice?

SKK: In a way—yes. But if Nizami³ would not have various rulers commissioning him

¹Giorgio Morandi (1890–1964) an Italian painter and printmaker who lived his entire life in Bologna and had one and only trip abroad at the age of 66 to attend opening of his solo exhibition in Winterthur.

²Henri Julien Félix Rousseau (1844–1910) a French post-impressionist painter who never travelled outside France.

³Nizami Ganjavi (1141–1209) — a romantic poet born in Ganja, the second largest city in present day Azerbaijan, is considered one of the most prominent Persian language authors up to date significantly influencing regional poetic and philosophical practices.

work, would we have Khamsa⁴? Art, culture, healthcare and education are the first to get budget cuts. At the same time, these areas are key to nation's success. Art nurtures creativity and stems out of the box thinking. In more developed economies art is a part of a daily life and going to a museum is a leisure or quality family time. The best examples of Azerbaijan's heritage are stored in major museums abroad, but most are hidden in storages and only available to scholarly research or temporary exhibitions. As a small nation we take pride of anything related to our culture and yet fail to see the best of our material culture on display. It requires a lot of investment in human capital, research, facilities and planning ahead of time with foreign museums. Currently, I am discussing a possibility to organize an early Azerbaijan embroideries⁵ travelling exhibition and the most important museums that have these artifacts propose me a slot five years from now. Contemporary art museums also require lead time, but there are a lot of alternatives to how contemporary art can be presented: galleries, biennials, festivals, alternative art spaces. I can even open doors of my house and show art on display there! My example shows that one does not need ridiculous amount of money to start a contemporary art collection. It is still a terra incognita. In our country, art is approached mainly as decoration or a souvenir. Neither of the approaches help the development of research or discourse about Azerbaijan's contemporary art. I believe that contemporary art is the best cultural diplomacy tool.

AS: As a curator I confirm that it is much easier in a way to exhibit a living artist.

SKK: Yes! With many I develop strong link and trust-based relations.

AS: And buying living artists eliminate frauds and fakes!

SKK: Exactly! I would never buy Sattar Bahlulzade for that reason, too risky.

AS: But you have Maral. Maral Rahmanzadeh has influenced your collector choices a lot. Why so?

SKK: It was more like a souvenir gift. Naturally curious, I started reading about her, this ignited curiosity and interest in my culture and reconnection with my roots that I have started to lose by choosing to move out from the country. At the end, Azerbaijan is in my heart and I have created a sanctuary of it with the help of the art I collect. I love my country at the distance and I feel my values might be different from the majority.

⁴Khamsa is a compilation of five long narrative poems dedicated to various rulers and considered a seminal work of Islamic literature.

⁵Early Azerbaijan embroideries is an academic term to describe the unique group of rare embroideries attributed mainly to 16th–18th centuries. Majority are stored in the world's main museums and private collections.

AS: Art as a therapy?

SKK: In a way. Obviously, my husband and I would like to compare ourselves to the Ganz⁶ couple as we have started the same way with very limited resources buying an artwork worth of a monthly salary. At the beginning there were opportunity costs and constraints, now—it is a discipline and passion. Collecting is like a race: we want to be the first to discover a talent. (Un)fortunately, we do not have much competition to fight over the artworks.

AS: Who was spotted by your radar?

SKK: I am often in Paris to hunt Niyaz Najafov's flowers that he places in public spaces and to visit his studio in Montreuil. Before I was considering his flowers series too decorative until I have seen them live. It is important to meet artists to feel their vibe and connection. With Niyaz it clicked: his generosity is what I admire the most, apart from his talent. He is democratizing art: the same painting available in a gallery, if one is lucky, can be purchased from the artist during his street performances for a symbolic fee or just taken off the wall.

Orkhan Huseynov has won my heart with his *Global Warming* and *Dear Beloved* videos. He has influenced many younger artists to follow his steps.

"Far away, so close" is what I call Farhad Farzali's and Tora Aghabayova's practice. They have never met, but their artworks complement each other so well that I think of a double show!

One of the most recent discoveries were works by Zarnishan Yusif and Leyla Aliyeva. Zarnishan is here in Venice, but her work at the pavilion is not illustrative of her practice. Leyla's story is different. One day I forced myself to dissociate her art from her public profile and this was when her art started to speak to me on a very personal level. Aidan Salakhova managed to grow out of her father's shadow to become an artist of her own. This succession is continued with Kaikhan Salakhov who is able to develop his own style at a very young age.

AS: As far as I know, you mainly collect women artists, why?

⁶With limited resources the Ganz couple have assembled one of the most important collections of the 20th century art that included works by Pablo Picasso (including the infamous 1932 *Le Rêve*), Jasper Johns, Robert Rauschenberg, Frank Stella, Eva Hesse, Mel Bochner among the others.

SKK: I get this question very often. If my collection consisted only from art made by male artists, no one would question that. I prefer to support women because it takes double the courage and talent to be a good artist. In many parts of the world a woman is perceived firstly as a life companion and mother. Her interests and desires are usually overlooked.

AS: Prior meeting you, I had an unsuccessful due diligence on you. Your life remains very private. Why have you decided to speak up and show your collection?

SKK: I do not have an account in social medias nor do I like glam events where people go to snap pictures with celebrities and politicians. But one thing I would like to be more outspoken now is my art collection of contemporary art from Azerbaijan. I think it is important with my example to motivate others.

AS: What are the obstacles for Azerbaijani art to be noticed abroad?

SKK: Artists without exhibitions in their CV. Visa rejection letters and very expensive flights to go anywhere from Baku. No international grants or government subsidies to sponsor art education. Artists struggling to get funds for their projects. Art history ending with Picasso in art schools. Lack of professionalism and unity. No communication and exchange of information. No tax incentives for businesses to support art and culture. Bad taste. Shall I continue?

I knew all of these and I could have added more to the list, but I wanted to end our conversation on a positive note, especially since there was a glimpse of hope that we are on the right path to change status quo and make our little art revolution. At the end of our encounter, we ended up chatting about her family, husband and that her name means 'loyal', she shortened her Azerbaijani surname so it sounds like the word 'dream' and by taking a second surname of her Turkish husband, she became 'A Doubtful Dream'.

AS: Thank you for the meeting and conversation. I will call your inaugural exhibition *Off the Velvet Chest*.

I walked out to breath fresh spring air. I caught myself on a thought that I have been in Venice for several days, but avoided to walk on S. Marco square. Caffé Florian's orchestra welcomed my arrival with *Nessun Dorma* aria. By the time I crossed the square and reached Palazzo Ducale I was repeating *All'alba vincerò* as my new mantra. The clock announced the arrival of new day, May 9.

Today the story of the century unfolds.

Баку на рубеже XIX–XX столетий: нефть, этнокультурный калейдоскоп, филантропия

ФУАД АХУНДОВ

Нефтяной бум вихрем ворвался в жизнь древней Бакинской крепости в 1872 году, преобразив ее в крупнейший индустриальный, а затем и культурный центр региона. Колоссальный демографический рост Баку и, как следствие, его этнокультурное многообразие стали причиной зарождения и развития традиций благотворительности и меценатства, охвативших самые различные сферы жизни местного общества.

Эффект первого нефтяного бума был подобен джину, выпущенному из бутылки: добыча нефти в бакинских окрестностях возросла в 60 раз в первые же 10 лет, а к 1901 году Баку производил без малого 51% мировой добычи нефти и обеспечивал 96% российского производства «черного золота». Нетрудно догадаться о том, какое воздействие это имело на демографию города. Население Баку, составлявшее в 1872 году порядка 14,5 тысячи человек, перевалило за 140 тысяч к 1901 году и достигло 215 тысяч в 1913 году.

Бурный рост населения отразился на его этническом многообразии. В канун Первой мировой войны ни одна из этнических общин города не превышала 36% населения. Наряду с коренным азербайджанским населением весьма значительной общиной Баку была русская община. На две эти ведущие общины приходилось порядка 70% населения. За ними следовала весьма процветающая армянская община. Четвертую по численности этническую общину Баку составляли европейские евреи, за которыми следовали грузины, татары, немцы, поляки, скандинавы, лезгины, греки, осетины.

Примечательно и то, что даже не очень крупные в численном отношении этнические общины Баку зачастую играли значительную роль в общественной и культурной жизни города. Так, еврейская община обеспечивала значительную часть практикующих врачей и адвокатов, немцы и скандинавы доминировали в технической сфере, поляки подарили городу когорту замечательных архитекторов и гражданских инженеров, а из татар вышла целая плеяда женщин-просветительниц.

Важным показателем активности этих общин были традиции филантропии, выражавшиеся, в частности, в многочисленных этнических и конфессиональных благотворительных обществах. Так, наряду с азербайджанскими просветительскими обществами «Ниджат», «Нешр-Маариф», «Сафа», Мусульманским благотворитель-

ным обществом Баку, Бакинским дамским мусульманским благотворительным обществом, духовным обществом «Саадет» в городе функционировали Бакинское еврейское общество, Бакинское еврейское благотворительное общество, Общество для распространения просвещения среди грузинских евреев Баку, отделение Тифлисского общества распространения грамотности среди грузин, Греческое благотворительное общество, Украинское общество «Просвіта» имени Т. Г. Шевченко, Бакинское римско-католическое благотворительное общество, общество «Польский дом», Церковный совет евангелическо-лютеранского прихода Баку, Евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество, Немецкое общество образования и даже весьма оригинальное Евангелическое общество попечения о девицах, в уставе которого, в частности, говорилось: «Общество имеет целью предохранять девиц евангелического вероисповедания от вредных воздействий окружающей среды и содействовать их религиозно-нравственному развитию».

Не менее интересными представляются благотворительные организации медицинской и просветительской направленности, как, например, Бакинский отдел Кавказского общества борьбы с туберкулезом, благотворительные общества «Детская больница», «Ясли», «Друзья детства и юношества», Общество борьбы с детской смертностью, Общество защиты женщин, Общество вспомоществования учащимся бакинских городских школ. Во главе большинства этих обществ наряду с видными общественными деятелями и просветителями стояли представители деловой элиты дореволюционного Баку, нефтяные магнаты и, что не менее важно, их супруги. Персоналии бакинских нефтяных королей и их муз заслуживают особого внимания.

Гаджи Зейналабдин и Сона Тагиевы: первая школа для девочек-мусульманок

Супружеская чета Тагиевых стоит особняком среди элитных семейств дореволюционного Баку по целому ряду причин. Гаджи Зейналабдин Тагиев (1838–1924), как и многие из местных бакинских нефтепромышленников, происходил из бедной семьи башмачника Бакинской Крепости. Отданный в детские годы подмастерьем каменотесу, он вскоре осваивает ремесло резчика по камню, затем становится подрядчиком и лишь в зрелом возрасте пробует себя на совершенно новом поприще нефтепромышленника.

Упорство, последовательность и не в последнюю очередь осторожность и осмотрительность приводят к тому, что Гаджи Зейналабдин Тагиев становится одним из пионеров индустриальной добычи нефти в Баку. Именно его Д. И. Менделеев в статье «Нефть и техника» называет «весьма важным местным двигателем бакинского нефтяного дела». Успешная предпринимательская и не менее яркая общественная деятельность Тагиева приносят ему титул Действительного стат-

ского советника, соответствовавший званию генерал-майора, звание потомственного почетного гражданина Баку, множество других наград и регалий. Ему был даже посвящен марш композитора Кнейдина «Генерал Тагиев», однако одного взгляда на тагиевскую подпись достаточно, чтобы понять, что генерал Тагиев «не разжевал даже азбуки соль».

Тем не менее этот не получивший никакого образования человек, остававшийся ревностным мусульманином-шиитом в быту, образе жизни и даже манере одеваться, основал первую на Кавказе светскую школу для девочек-мусульманок! Почему? Да потому, что именно в образованной матери Тагиев видел будущее образованной семьи, социума, нации. Так, в его письме попечителю Кавказского учебного округа Кириллу Петровичу Яновскому читаем: «Оплотом и цитаделью... мнимо религиозных нравов и обычаев является замкнутость мусульманской женщины и несознание ею своих человеческих прав». Посредством школьного образования Г. З. Тагиев пытался привести мусульманскую женщину «к сознанию своих неотъемлемых человеческих прав. Эту цель именно и преследует открываемая мною школа, которой предстоит здесь выполнить высокую культурную задачу».

Примечательная деталь: письмо Гаджи Зейналабдина Тагиева главе системы образования на Кавказе датируется 24 апреля 1896 года. Таким образом, идея «неотъемлемых человеческих прав» применительно к мусульманской женщине озвучена за добрых 52 года до принятия Всеобщей декларации прав человека в письме, скорее всего надиктованном неграмотным азербайджанским предпринимателем и меценатом!

Однако кто мог стоять за текстом письма со столь необычным гендерным акцентом? По прошествии стольких лет об этом можно строить догадки, но есть информация к размышлению: в 1896 году Г. З. Тагиев женился вторым браком на дочери российского генерала азербайджанского происхождения Б. Араблинского Соне Араблинской (1881–1938). Именно в год бракосочетания у Тагиева, обретшего образованную жену, возникает идея дать образованную мать своему народу, идея, полностью поддержанная его супругой и реализованная при ее прямом участии.

Однако 1896 год был не только годом бракосочетания Тагиевых, но и годом коронации последней четы Российских императоров. И этим совпадением не преминул воспользоваться гибкий дипломат Тагиев. Его письмо на имя К. П. Яновского начинается следующими словами: «Движимый чувствами глубочайшей верноподданнической преданности к Государю Императору, я порешил, как это всегда делали, делают и должны делать истинно русские люди, душой и телом обожающие своего возлюбленного монарха, ознаменовать делом благотворительности предстоящее священное коронование Их Императорских Величеств

именно учреждением в Баку русско-мусульманской женской школы на мой счет и средства. Я жертвую на постройку здания школы с необходимыми при ней службами и обстановкой 25 тысяч рублей и особо 125 тысяч рублей в капитал, проценты с которого в 5 тысяч рублей должны обеспечить существование школы; причем льщу себя надеждой, что надлежащее начальство не оставит испросить в должном порядке Всемилостивейшего Высочайшего соизволения на присвоение этой школе имени Государыни Императрицы Александры Федоровны».

Ну кто же мог ответить отрицательно на столь тонкое послание?! В результате школа получит довольно оригинальное название — «Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны женское мусульманское училище в Баку», однако проект Тагиевых был одобрен на самом высоком уровне.

Куда больших усилий Тагиеву стоило преодолеть сопротивление местного мусульманского духовенства, усматривавшего в школе угрозу «вековым устоям нравственности». Не получивший образования Тагиев прекрасно понимал, что идея женской школы совершенно не противоречит постулатам ислама, о чем можно судить по его письму помощнику Наместника Кавказа Н. Султан Крым Гирею: «Я всегда думал и теперь твердо остаюсь при своем неизменном убеждении, что только образованные и серьезно просвещенные матери-мусульманки нашего края спасут наших мусульман от недуга невежества и отсталости. Это вполне согласуется с истинным духом ислама и его Великого Учителя».

Великолепное здание тагиевской женской школы (ныне Рукописный фонд Национальной академии наук Азербайджана), обошлось не в 25 тысяч, как планировалось первоначально, а в 60 тысяч рублей. Однако это обстоятельство мало смущало основателя школы, который в одном из писем признавался: «устраивать школу в миниатюрном виде я не намерен... Бог милостив, лишь бы достигнуть цели...» Здание школы было спроектировано в ориентальном стиле талантливейшим бакинским зодчим Иосифом Викентьевичем Гославским, при жизни названным «кавказским Растрелли». За ходом работ, в частности филигранной отделкой фасада добротным местным камнем, следил сам Г. З. Тагиев, в прошлом опытный подрядчик.

Ценой титанических усилий 7 октября 1901 года была открыта первая в Российской империи светская школа для девочек-мусульманок. Из 58 первых учениц заведения 35 были приняты бесплатно. Как ученицы, так и преподавательницы были исключительно мусульманского происхождения, как того требовал устав заведения. В то время как подавляющее большинство учениц составляли азербайджанки, преимущественно из Шуши и Тифлиса, значительная часть педагогического состава приходилась на татарок из самых разных концов империи, как, например, литовская татарка Марьям ханум Сулькевич.

Огромную роль в организации учебного процесса сыграла супруга Тагиева Сона ханум. Выпускница престижной бакинской школы — Заведения Святой Нины, она привнесла в этот проект «ноу-хау». И это было то, чего так не хватало ее так и не получившему образования супругу. По воспоминаниям многих выпускниц, Софья Владимировна проявляла материнскую заботу о пансионерках, многие из которых месяцами жили вдали от дома.

Примечательно и то, что основу школьной формы учениц тагиевской школы в первые годы составлял традиционный наряд восточной женщины — с покрытой головой. В таком же стиле одевались преподавательницы. И лишь после того, как в 1907 году супруги Тагиевы определяют своих дочерей Лейлу и Сару в Смольный институт благородных девиц в Петербурге, ученицы школы Тагиевых станут носить передники и пелеринки, характерные для гимназисток того времени. Аналогичным образом изменится и «дресс-код» преподавательниц. За без малого 17 лет своего существования Александринское мусульманское женское училище выпустило из своих стен сотни образованных азербайджанских девушек, многие из которых стали яркими педагогами, просветительницами, воспитали выдающееся потомство.

Школа Тагиевых прекратит свое существование в результате кровавых мартовских событий 1918 года, учиненных в Баку большевистским правительством во главе со Степаном Шаумяном. Однако в период Азербайджанской Республики, с декабря 1918 по апрель 1920 года в здании школы будет заседать Парламент первой в мусульманском мире светской республики, который, словно следуя тагиевским традициям, предоставит избирательное право мусульманским женщинам за пару лет до Конгресса США.

Не менее интересным благотворительным начинанием Тагиева был и первый в своем роде в Баку театр (ныне Азербайджанский государственный музыкальный театр), где в 1891 году восемнадцатилетним юношей выступал Федор Иванович Шаляпин, впоследствии любивший говаривать: «Для жизни я родился на Волге, а для музыки — на Кавказе». А в январе 1908 года на сцене Тагиевского театра была осуществлена постановка первой на мусульманском востоке оперы — «Лейли и Меджнун», где в силу традиционных запретов женскую партию исполнял подросток. Однако четыремя годами позже, в апреле 1912 года, на сцену Тагиевского театра выйдет первая мусульманская исполнительница — пятнадцатилетняя Шовкет Мамедова, дочь тифлисского сапожника, которую Тагиев, сам сын сапожника, отправил на учебу в Милан, следуя совету своей супруги. Финал супружеской четы Тагиевых в советское время представить себе нетрудно: Гаджи Зейналабдин был полностью экспроприрован властью, и лишь его колоссальная популярность в Баку позволила ему избежать ареста и репрессий, а ментальность верующего человека («все в руце Аллаха») помогла философски

воспринять происходящее. Однако после смерти Тагиева его далеко не старая супруга и дети будут буквально выброшены на улицу, где, собственно, и умрет одна из некогда самых ярких бакинских светских дам.

Муртуза и Лиза Мухтаровы: красивая история любви

Наряду с Тагиевыми традиции благотворительности поддерживали и другие представители деловой элиты дореволюционного Баку. Муртуза Мухтаров (1859–1920) был одним из ярких деятелей своего времени. Выходец из бедной семьи из бакинского пригорода Амираджан, он начал работать тартальщиком на нефтяных промыслах в юные годы. Пытливый и любознательный юноша не мог ограничиться примитивным рытьем колодцев вручную. Цепкий ум, техническая сметливость и наработанный на промыслах опыт сделают бурение главной сферой его деятельности.

Основанное им в 1890 году Акционерное общество «Муртуза Мухтаров» к 1910 году располагало двумя крупными заводами, на которых работало около полутора тысячи человек, и являлось одним из крупнейших предприятий подрядного бурения не только в Баку, но и на всем Кавказе. Нетрудно догадаться, что вскоре Мухтаров, как говорится, вырастает из бакинских штанишек. География его деятельности охватывает нефтяные промыслы в Грозном, а частые поездки из Баку в Грозный и обратно проходили через Владикавказ, где Мухтаров встречается со своей будущей благоверной — дочерью отставного полковника царской армии остенинского происхождения Хамби Туганова юной Лизой. Однако предложение Мухтарова о женитьбе деликатно отклоняется дворянским семейством Тугановых по весьма прозаической причине: сословное происхождение бакинского нефтяного магната.

Этот отказ приводит к довольно необычной реакции Мухтарова: во Владикавказе, на живописном берегу Терека, возводится величественная мечеть, выдержанная в стиле каирских мечетей мамлюкского периода. Как рассказывала впоследствии племянница супруги Мухтарова Хадиза ханум Туганова, некогда известный врач-гинеколог в Баку, эта мечеть затем торжественно преподносится бакинским меценатом общественности города Владикавказ в лице дворянского семейства Тугановых. После столь продуманного хода об отказе такому свату, как господин Мухтаров из Баку, не могло быть и речи, однако с этого момента каждая из сторон процесса ставит высокую планку, которую с достоинством берет другая сторона.

Лиза ханум Мухтарова (1876–195?) прибывает в Баку этакой «нефтяной королевой». Она полностью соответствовала статусу леди, который был уготован ей изначально. Активная участница благотворительного общества «Детская больница» и Бакинского отделения Кавказского общества борьбы с туберкулезом,

она в 1914 году основала Бакинское дамское мусульманское благотворительное общество. Общество располагалось в великолепном дворце, который был построен Муртузой Мухтаровой в дар своей благоверной.

Мухтаровский дворец в Баку (ныне Дом официальных приемов и дворец бракосочетания) имеет удивительное сходство с берлинским особняком, некогда располагавшимся по адресу Розенталлерштрассе, 54, однако речь идет не о слепом копировании, а об очень умелом использовании автором проекта Иосифом Касперовичем Плошко мотивов европейской архитектуры, великолепно исполненных местной подрядной компанией братьев Касумовых из добротного бакинского известняка.

Не менее интересным вкладом М. Мухтарова в архитектурный облик предместий Баку стала построенная им мечеть в его родном селении Амираджан. 42-метровые минареты мечети долгое время были самыми высокими в Азербайджане.

С роскошным мухтаровским дворцом связан довольно интересный эпизод, описанный в воспоминаниях известного педагога Марьям ханум Байрамалибековой (1898–1981). Окончив Тагиевскую женскую школу в 1916 году, 18-летняя Марьям, приехавшая в Баку из южной провинции, мечтала продолжить образование в гимназии одной из столиц, но не располагала для этого средствами. Упорной девушке удается получить аудиенцию у Лизы ханум Мухтаровой. Однако оказавшись в роскошном дворце, юная Марьям почувствовала себя не в своей тарелке, и лишь очень располагающий, обаятельный образ маленькой хозяйки большого дома позволил девушке почувствовать себя комфортно. Она рассказала Лизе ханум о своих планах продолжить учебу в Москве или Петербурге.

Их разговор был прерван внезапным появлением хозяина дома, который, воздавая должное очарованию и образованности юной Марьям, посоветовал ей реализовать себя на семейном поприще. «Муртуз!» — резко оборвала его супруга, а затем последовала короткая фраза по-английски, после чего Мухтаров послушно удалился из комнаты, а девушка получила финансовую помощь, и лишь революция 1917 года не позволила ей завершить образование.

Результатом революционных смут и потрясений станет захват Баку Красной Армией в апреле 1920 года. Для Мухтаровых, как и для большинства состоятельных бакинских фамилий, это обернется колоссальной трагедией: Муртуза Мухтаров застрелился на ступенях своего дворца, когда в него въехали конные красноармейцы. По одной из версий, он вначале застрелил непрошенных гостей. Его супругу ожидал классический булгаковский бег: эмиграция, а точнее эвакуация с турецким дипломатом в Стамбул. Последующая волна русской эмиграции вынесет ее в Париж, где она скончалась предположительно в середине 50-х годов прошлого столетия.

Примечательно, что в великолепном мухтаровском дворце вплоть до середины 1930-х годов располагался клуб (по ликвидации безграмотности) для мусульманских женщин, здесь издавался журнал «Женщина Востока», в 1924 году дворец посетила Клара Цеткин, восторженно отзывавшаяся о клубе в очерке «Кавказ в огне». В последующие десятилетия дворец использовался как картинная галерея и загс, известный поколениям бакинцев не иначе как «Дворец счастья». Таким образом, дух большой и красивой любви первоначальных владельцев дворца продолжает жить здесь и сегодня.

За каждым ярким мужчиной — яркая женщина

Традиции благотворительности и меценатства дореволюционного Баку могут быть продолжены целой галереей семей дореволюционных нефтяных и промышленных магнатов. Большинство из них поднялось из низов, некоторые происходили из дворянских фамилий, разбогатев на нефтяных запасах, обнаруженных на их семейных угодьях. Так или иначе, эти люди, обретя значительные финансовые возможности, пытались изменить свой социум, их усилиями был создан архитектурный облик Баку, снискавший ему славу этакого «кавказского Парижа», на средства этих зачастую неграмотных мужей была обучена целая когорта ярких представителей азербайджанской интеллигенции. Однако, как свидетельствует история, за каждым ярким мужчиной стоит не менее яркая и интересная женщина. Семьи Тагиевых и Мухтаровых — наглядное тому подтверждение.

Муртуза и Лиза Мухтаровы
Murtuza and Liza Mukhtarovs

Открытие первой на мусульманском Востоке женской школы Тагиевых, октябрь 1901 года
The opening of the first female school in the Muslim East, October 1901

Сона Тагиева (1881–1938)
Sona Taghiyeva (1881–1938)

Гаджи Зейналабдин Тагиев (1838–1924)
Hajji Zeynalabdin Taghiyev (1838–1924)

Женская школа Тагиевых. Во время урока
Female school of Taghiyevs. In class

Здание школы, построенной Тагиевым (ныне Рукописный фонд Национальной академии наук Азербайджана)
School built by Taghiyevs (nowadays, the Institute of Manuscripts of the National Academy of Sciences of Azerbaijan)

Old Baku's Portrait in Oil: Charity, Diversity, Charisma

BY FUAD AKHUNDOV

Baku's first Oil Boom had a truly explosive impact on the mediaeval Baku Citadel with estimated 2000 years of urban history by 1872 but merely 14.5 thousand residents. This was the year when the Russian Imperial authorities began issuing concessions for production of crude in the place that had been known for oil deposits from times immemorial. With private enterprise involved, the oil output skyrocketed 60 times within the next decade, and by 1901 Baku accounted for almost 51% of the global supply and 96% of oil in Russia.

The impact of the oil rush was comparable to letting the Genie out of the bottle. Baku's population exceeded 140 thousand residents by 1903 and almost reached 214 thousand by 1914. Needless to say, such a rapid growth brought about a tremendous ethnic and cultural diversity, shaping Baku for decades to come. By the time of WWI, not a single ethnic community exceeded 36% of the city's overall population. The Azerbaijanis and the Russians were the two larger groups, almost equal in size and making up almost 70% of Baku's residents. The Armenians were another large community. The Ashkenazim Jews were the fourth largest ethnic chunk of Baku followed by the Germans, the Georgians, the Poles, the Tartars, the Greeks, the Lezghins, the Ossetians, etc.

As a matter of fact, some of these smaller groups had a special place of their own in the city fabric, e.g. the Jews were only 4.5% of the population but provided almost 40% of medical practitioners and over 30% of lawyers. While the Germans and Nordic people were dominating in technical spheres, the Poles came up with a cohort of outstanding architects and civil engineers, and the tatar ladies were the leading educators of the Muslim girls.

Charity played a prominent role in social life of the various ethnic groups and congregations of yester-year Baku. Along with the Azerbaijani benevolent associations like Neshr Maarif, Safa, Nijat, the Baku Muslim Charitable Association, the Baku Ladies Charitable Association, Saadet Spiritual Association and others, there was the Baku Jewish Association, the Baku Jewish Charitable Association, the Society for the Dissemination of Literacy among the Georgian Jews of Baku, Branch of the Tiflis Association for the Dissemination of Literacy among the Georgians, the Greek Charity Association, the Shevchenko Prosvyta Ukrainian Association, the Baku Roman Catholic Charity Association, the Polish Home, the Church Board of the Lutheran Evangelical Parish in Baku, the Lutheran Evangelical Ladies' Charity Association, the

German Society for Education, and a very extraordinary Evangelical Association in Charge of Maidens. Its Charter read: “The Association pursues the goal to safeguard maidens of evangelical confession from negative impacts of the environment and promote their religious and moral development.”

Medical and educational charity associations were no less interesting. These included The Baku Branch of the Caucasian Society to Combat Tuberculosis, the associations styled The Children’s Hospital, Nursery, Friends of Childhood and Adolescence, the Association to Combat Infantile Mortality, the Women Advocacy Group, the Society to Support Students of Baku Municipal Schools. Most of these agencies were run by recognized public figures, educators, industrial magnates and oil tycoons. The latter ones were, in most cases, supported by their better halves. Profiles of some of these oil barons and their spouses are indeed remarkable!

Hajji Zeynalabdin and Sona Taghiyevs: the First School for Muslim Girls

The Taghiyev couple stands out among the elite families of yester-year Baku for a number of reasons. Hajji Zeynalabdin Taghiyev (1838–1924) was one of those local oil barons who fought his way through. A son of a cobbler from Baku Citadel, he began working hard in early childhood, starting out as an apprentice of a stonemason. An accomplished stone dresser in his teens, he became a contractor in his 30’s to only later try and venture into the brand-new business of oil production, already in quite a mature age.

Perseverance and business acumen, augmented by caution and discretion, made him one of the great pioneers in Baku’s oil industry. Dmitri Mendeleev, an outstanding Russian chemist and industry promoter, mentioned Taghiyev as “a very important local driving force of Baku’s oil business.”

Successful entrepreneur and recognized public figure, Taghiyev was conferred the rank of Real Councilor of the State, which equaled Major-General in the Imperial Russian Table of Ranks. His popularity in Baku was so widespread that he became a Hereditary Honorary Citizen, and there was even a stylized march dedicated to him, called *General Taghiyev*. Meanwhile, a single look at the General’s signature revealed that Taghiyev was virtually illiterate...

Nonetheless, with no formal education whatsoever, a devout Shia Muslim in his private life, it was him who established the first secular school for Muslim girls in the Caucasus, if not the whole of the Russian Empire. How did that come about? The reason was quite simple. An educated woman was viewed by Tahiyev as the backbone of an educated family and, ultimately, the nation. His letter addressed to the Head of the Caucasus Education Board Kirill Yanovski speaks for itself: “Seclusion of a Muslim woman and lack of awareness of her human rights constitutes the stronghold

of the quasi religious rules and customs.” So the main objective of the girls’ school-to-be was to convey the message of “inalienable human rights” to the Muslim women. What makes the case even more notable is that the letter is dated by April 24, 1896, which means that the concept of “inalienable human rights” as applies to Muslim women is proclaimed a whole 52 years prior to the Universal Declaration of Human Rights and in a letter signed by an illiterate Azerbaijani entrepreneur and philanthropist. Yet, Taghiyev was quite aware of what he was signing.

That being said, who could be behind such message? So many years after, one can only make informed assumptions based on the circumstances from Taghiyev’s personal life. The matter is that in the same year of 1896 he got married to Sona Arablinskaya (1881–1938), a daughter of a Russian General of Azerbaijani descent from Derbend. It was Taghiyev’s second marriage with a lady way younger than himself, however, an educated wife could very well be the catalyst for the idea of an educated mother that Taghiyev wanted to promote in his nation. Hence the concept of a school for Muslim girls—fully supported by his spouse and implemented with her most active input.

The year of 1896 was also the year of crowning of the last Russian Emperor Nicholas II and his wife Empress Alexandra. Taghiyev prudently benefited from this. His letter to the Chief of the Caucasian Education Board starts with quite an eloquent passage: “Driven by the utmost faithfulness to the Monarch, as all truly Russian people dedicated to their Sovereign with both their body and soul must, should and ought to do, I decided to celebrate the forthcoming sacred ceremony of crowning of Their Imperial Majesties by an act of benevolence, i.e., the foundation of a Russian–Muslim school for girls in Baku solely at my own expense. I do hereby donate 25 thousand rubles to the construction of the school facilities with all services and amenities prescribed. Besides this, I make an investment of 125 thousand rubles with an annual interest rate of 5 thousand rubles to cover the school’s maintenance. This borne in mind, I do cherish the hope that relevant administrative agencies will request the Highest Benevolent permission to grant this school the name of Her Majesty Empress Alexandra Fyodorovna.”

Who could ever say “no” to such a passage? As a result, Taghiyev’s school got quite a bizarre name—Her Majesty Sovereign Empress Alexandra Fyodorovna Muslim Girls’ School in Baku. Formal trappings aside, the project got the go-ahead on the highest level.

Overcoming vehement resistance of the local clergy was much more challenging for Taghiyev. The main argument of the clerics boiled down to this: “Our mothers never went to school, neither did our grandmothers. Why should our daughters do?” It took Taghiyev a great deal of effort and expense to get the blessing of the top Shia clergy (mostly in Iran) that the idea of a school for girls does not contradict the basic tenets of Islam. In his letter to the assistant of the Caucasian Vice-Roy Taghiyev makes it

even more clear: “I always believed and do stand strong today that only educated and highly informed Muslim mothers of our region are capable of rescuing our fellow Muslims from the ailment of ignorance and backwardness. This strong belief of mine is in full compliance with the true spirit of Islam and its Great Prophet.”

Opulent premises of the girls’ school (nowadays the Manuscript Institute at the National Academy of Sciences of Azerbaijan) ended up to cost 60 thousand rubles as opposed to the original estimate of 25 thousand. Yet, for Taghiyev this was not a big deal at all, since, as he admitted from the outset, he had no intent to make “a baby-size school.” The school building in the Oriental style was designed by Joseph Goslavski, one of Baku’s most popular architects nicknamed Rastrelli of the Caucasus. As a contractor by previous occupation, Taghiyev supervised the construction, the elaborate stonework of the façade in particular.

Painstaking efforts resulted in the inauguration of the first school for Muslim girls in the Russian Empire on October 7, 1901. Out of the 58-strong first enrollment, 35 boarding students were admitted free of charge. Pursuant to the school’s Charter, both the trainees and the trainers were exclusively of Muslim origin. While the student body was mainly composed by Azerbaijani girls, mainly from Shusha and Tiflis, the Tartars were dominating the faculty. Some of them, like Miriam Sulkevich, came from as far as Lithuania. Russian was the medium of instruction.

Sona Taghiyeva was instrumental in setting up and running the school. A graduate of the prestigious St. Nina Girls’ School in Baku she came up with the know-how for training process, which was the missing part of the puzzle for her husband who had never gone to school. Decades after, her motherly care and concern were always mentioned in the memories of the school graduates, who had to spend months away from home.

A noteworthy detail is that the uniform style of both the boarders and the tutors during the school’s first years was traditionally Oriental, i.e., a headscarf. It was only after 1907, when Taghiyev’s daughters Leyla and Sara were enrolled in the prestigious Smolny Institute in St. Petersburg, that the school uniform changed from headscarves to aprons, typical at other girls’ schools of the day. The dress-code for the faculty changed accordingly. Over almost 17 years of its existence, the Alexandrian Muslim Girls’ School trained hundreds of educated Azerbaijani ladies. Many of them became educators, scholars and mothers of outstanding personalities.

The Taghiyev school ceased to exist in March 1918 after a horrible massacre committed by the Bolshevik government of Stepan Shaumyan. During the first Republic of Azerbaijan, however, the school building served as the Parliament of the first secular republic in the Muslim world which granted suffrage to women 2 years earlier than the U.S. This was a logical follow-up to the traditions of gender equality laid by the Taghiyevs through their school for Muslim girls.

The first European Theatre in Baku, still operating as the Azerbaijan State Musical Theatre, was another charitable accomplishment of Taghiyev. The stage of the Taghiyev Theatre hosted 18-year-old Fyodor Shalyapin, an outstanding Russian opera singer, who later admitted: “As a human being I was born on the banks of the Volga, whereas as an artist I was born in the Caucasus.” In January 1908, the Taghiyev Theatre hosted the first Muslim opera, *Leyli and Majnun* with the role of Leyli performed by a teenager due to the persisting taboo for Muslim women to appear on stage. Nonetheless, in April 1912, the first Muslim opera diva, a 15-year-old Shovket Mammadova appeared on stage of the Taghiyev Theatre, stirring up the rage of local zealots. A daughter of a cobbler in Tbilisi, Shovket spent almost a year studying vocal art in Milan thanks to financial support of Taghiyev, a son of a cobbler too, and with smart advise of his spouse.

A tragic end was inevitable for the Taghiyev couple under the Soviets. Upon Baku’s takeover by the Red Army troops, all Taghiyev’s property was expropriated. It was his enormous popularity and non-resistance to the new power that helped him avoid arrest or persecution. His mentality of a devout Muslim rooted in the postulate “everything is in the God’s hands” was informing his philosophical attitude to the unfolding events. However, after Taghiyev’s death in 1924, his wife and the rest of the family were virtually thrown out to the street, so once one of Baku’s first ladies, Sona Taghiyeva ended up a beggar in the street, homeless, desperate and mad...

Murtuza and Lisa Mukhtarovs: a Romantic Love Story

Along with the Taghiyevs, charity traditions were supported by other oil baron families of old Baku, like Murtuza and Lisa Mukhtarovs. Murtuza Mukhtarov (1859–1920) stands out among other oil tycoons because he was not involved either in crude oil production or refining and transportation. His element was drilling, and in this area he was a true wizard. Born to a poor family in Baku’s suburb of Amirjan, Mukhtarov started working as a bailer (oil digger) at the fields in his early youth. His wit, energy and perseverance complemented by tons of hands-on experience in drilling enabled him to establish a drilling company in 1890 and make it a leading company in its class by 1910, operating two large plants and employing almost 1500 people.

Mukhtarov soon felt that he had outgrown the market of Baku. His wish to expand the geography of his operations leads him to Grozny, yet his shuttling trips there and forth took him through the city of Vladikavkaz where he met his wife-to-be. Young Lisa was a daughter of retired Russian Army colonel of Ossetian descent Hambi Tuganov. However Mukhtarov’s marriage proposal was delicately rejected on grounds of his humble social background. This precipitated a most extraordinary reaction. On the bank of the Terek river, Mukhtarov erected a magnificent mosque which, as the story goes, was then donated to the city of Vladikavkaz in the person of the Tuganov noble family. Needles to say, after such a smart move no one could reject Mukhtarov. However, from this moment onwards, each of the counterparties set an even higher bar which the other party then met.

Lisa Mukhtarova (1876–195?) arrived in Baku as a true oil princess, and she proved to be fully up for the new role. Actively involved in a number of local charitable associations, like the Children’s Hospital and the Baku Branch of the Caucasian Society to Combat Tuberculosis, she founded the Baku Muslim Ladies Benevolent Association in a gorgeous palace specially built by her husband.

The Mukhtarov Palace in Baku (nowadays the Official Receptions Hall and Marriage Office) has a breathtaking semblance with the palace once located at 54 Rosenthaler Str in Berlin. However, in no way was this a mere copy-paste. It was rather a creative interpretation of Gothic traditions by civil engineer Joseph Ploshko, meticulously executed in fine local sandstone by the Kasumov Brothers Construction Company. Another architectural legacy of Murtuza Mukhtarov is the beautiful mosque in his home village of Amirjan with 42-meter-high minarets, second to none in the area for decades to come.

An interesting story with the Mukhtarov Palace was described in the memories of a famous mentor and educator Miriam Bayramalibeyova (1898–1881). As a graduate of the Taghiyev girls’ school she was eager to continue her studies in Moscow or St. Petersburg but lacked funds. Strenuous efforts won the persistent girl a meeting with Lisa Mukhtarova. But stepping into the sumptuous palace Miriam was stunned and oppressed by its exuberant luxury. Her worries were dispelled by a very warm and hospitable Little Lady of the Big House. Miriam was sharing her dreams of education with Lisa Mukhtarova when their lovely talk was interrupted by the appearance of Murtuza Mukhtarov who advised the pretty 18-year-old lady with high school education to try herself out in family life instead. A short but abrupt phrase by his better half made the big man leave the room immediately, whereas Miriam got the support she so much needed. Unfortunately, the Revolution of 1917 prevented her from completing her studies.

Revolutionary violence and Baku’s ultimate takeover by the Red Army in 1920 turned out to be a huge tragedy for the Mukhtarovs, as it was for other wealthy families. Murtuza Mukhtarov committed suicide at his residence when communist army soldiers entered his palace on horseback. According to one of the versions, he shot the invaders first. His spouse was forced to flee Baku to Istanbul with a Turkish diplomat and joined the Russian emigration community there. Reportedly, in the mid-1950s, she ended up in Paris, living out her life in poverty and destitution. Notably, during the Soviet era, the luxurious Mukhtarov palace was home to the Women Club teaching basic literacy to hundreds of Azerbaijani girls and ladies until the mid-1930s. It was the place where *The Woman of the Orient* magazine was published. In 1924, the Club was attended by Clara Zetkin who raved about it in her essay *Caucasus in Flame*. In later decades, the palace served as a gallery and the marriage registration office, commonly known as The Palace of Happiness. Thus carrying on the spirit of love of its original owners.

A Great Woman Behind Every Great Man

Traditions of philanthropy and charity in yester-year Baku may be traced back to the whole gallery of recognized families of oil tycoons and industrial magnates. The majority of them had to fight their way through, some of them were hereditary landlords whose estates happened to be rich with oil. Amassing great fortunes one way or another, these people tried their best to make a difference around them, they erected the numerous mansions that won Baku its name of “the Paris of the Caucasus,” these people, oftentimes illiterate themselves, were establishing schools and training a new generation of Azerbaijani intellectuals. That being said, personal stories of the oil magnates clearly indicate that there is a great woman behind each prominent man. The Taghiyev and Mukhtarov couples are a clear indication of that.

Крупницы идентичности

ЛЕЙЛИ САЛАЕВА

Читать это стихотворение необходимо под композицию Lonely Dolphins Азизы Мустафа-заде.

Это старт и это начало —
Полуночный поезд автоматизированный, без водителя,
Один из тех, в который она садится ежедневно
По пути в свой офис, в защищенное место
(Пустые стены, прозрачные стены,
Штампованные произведения искусства).
Проезжая станции,
Которые не будут ее финальным назначением.
Но доставят туда, где всходят побеги,
В колыбель щемящего чувства,
Чувства размытой идентичности.

Поплар

Первая станция — это всегда начало,
Зажигание, искры, наматывание и пробуждение.
Акварель художницы,
Середина XX века.
Личная встреча с прошлым.
Марал, Марал, О, Марал,
Бесстрашно храбрая
Перед грозными волнами и ревушим ветром,
Ты первая совершила это опасное путешествие,
Запечатлила дух «Нефтяных камней» на полотнах,
Часть душ тех нефтяников
Теперь на чужой стене
В Лондоне.

Вестферри

Вторая станция.
Помни о зазоре.
Ты не на платформе,
Ты проезжаешь мимо.
Покупай, покупай, покупай.
Воспоминания об Апшероне,
Флиртующие нефтяники, пьющие нефть,
Танец мазута в венах,
Танцующее вязкое танго.
Руки из карманов.
Купи еще искусства, преумножь.
Блондинка бродит по твоему городу,
Чертовски привлекательная.
Ее волосы заклинаяют,
Гипнотизируют и обманывают.
Она выделяется из черной массы,
Противостоит маскулинности.
Посмотри на этих русалов
В утробе Каспия.
Убивают время, отдыхают телом
Преданные сыновья созерцания.
Семьи с русалами появляются быстро.

Лаймхаус

А вот и третья остановка.
Неизвестная местность,
Метафизические ландшафты,
Игры разума на полароидных снимках.
Разрываясь между двумя странами.
Идентичность словно таящие айсберги.
Жизнь высшего класса
И скучных топ-менеджеров
В деталях плексигласа.
Религиозна ли ты?
Из чего состоит твоя вера?
Священный мрамор
Ласкает благородную загробную жизнь.
История предков
Это всего лишь узоры на холсте,
Старые фотографии людей,
Которых ты никогда не знала,
Но у вас общие гены.
Женщина, потерянная в дебрях
Офисной жизни, кровоточила внутри.
Тогда художник подарил ей тигра,
Провоцирующего тигра, возбуждающего тигра,
Берегись, одинокий мир.

Шадуэлл

Четвертая станция бросает тень
На полностью стертый район.
Гавань миллиона историй,
Сплетение мечетей, водонапорных башен
С чертами «теперь уже странствующих» жителей.
Оставь свое доброе имя позади
И отправляйся в другие страны
Широкими мазками кисти,
Густыми текстурами впечатлений
От Токио, Санкт-Петербурга или Парижа,
Найди случайную вазу с цветами
Как опечаток присутствия художника.

«Н был здесь». Какой широкий жест.
Продолжай искать жемчужины искусства
В регионах своей страны.
Сельские мистики, искренние, неискушенные,
Полусырые, но готовые быть прожаренными.
Достань их, вложи средства и продвигай.
Их работы заслуживают того, чтобы за них выпили.

Тауэр Гейтвей

На конечной
Ты сойдешь, чтобы задать темп.
Собирать искусство, не взирая на дух времени.
Деньги растворяются в товарах,
У дорогой пары туфель есть свой срок годности,
Искусство же останется с тобой навсегда.
Покупай ценное без боя,
Без сражений, без аукционов.
Купи работы художниц,
Признай и чествуй этих женщин!

Ее дом — это дворец самоидентичности, самооценки.
Повесь на стены, донеси идеи,
Не трогай, смотри на них, впитывай их.
Почему бы не купить свой кусочек личности?
Искусство высвобождает дофамин. Собирай, что любишь,
И то, что ты полюбишь, другие люди захотят иметь.
Ты друг художника, которому помогла,
Ты вращаешься вокруг его вселенной.

Она знала, что эти работы будут ее секретными ответами.
Сегодня история века разворачивается.

This poem should be accompanied with
the musical composition Lonely Dolphins
by Aziza Mustafa Zadeh.

It's a start and it's a beginning—
A midnight train automated, driverless
Just like one of those she took every day
To her office, to the shielding space
(Empty walls, transparent walls
Churn out art works)
Passing through the stations
Not to take her to the final destination
But to deliver to where it put out shoots
To the cradle of the punching feeling
The feeling of blurred identity.

Poplar

First stop is always about the start
Ignition, sparks, winding and awakening
A watercolor of a female artist
The middle of 20th century
A solo encounter with the past.
Maral, Maral, O, Maral
Dauntless bravery
To threatening waves and tearing wind
You first took this hazardous trip
The spirit of Oil Rocks on canvases sealed
Now part of those oilmen's souls
Is on the foreign wall
In London

West Ferry

Second station
Don't mind the gap
You are not on the platform
You are passing by
Buy and buy and buy
Absheron memories,
Oilmen flirting, oil tea drinking
Jet black oil dancing in the veins
Dancing slimy tango
Hands out of pocket
Buy another art work, multiply
Blondie girl wandering your city
Dangerously appealing
Her hair is a magical song
Hypnotizing and beguiling
In the black mass she stands out
Stands against masculinity
Look at these mermen
In the womb of the Caspian
Killing time, bodies in leisure
Devoted sons of contemplation
The families with mermen emerging fast.

Limehouse

Here comes the third station
The unknown location
Metaphysical landscapes
Mind tricks of polaroid
Torn between two countries
Self-Identity like melting icebergs
Life of upper class
And boring senior managers
In the details of polished plexiglass
Are you religious?
What are the layers of your faith?
The sacramental marble
Caresses noble afterlife
The history of ancestry
Is nothing but a pattern on canvas
Old pictures of people
You've never known,
But share same genes.
A woman lost in thickets
Of office life, bleeding inside
Then artist gifted her a tiger
Provoking tiger, arousing tiger
Beware the lonely world.

Shadwell

The fourth station casts a shade
On the district completely erased
The harbor of million stories
Mosques, waters towers entwined
With the traits of "now wandering" dwellers
Leave your good name behind
And travel to foreign lands
With bolder stroke of brush
Impasto textures of impressions
Tokyo, Saint Petersburg or Paris
Find the random vases of flowers
As footprints of the artist's presence

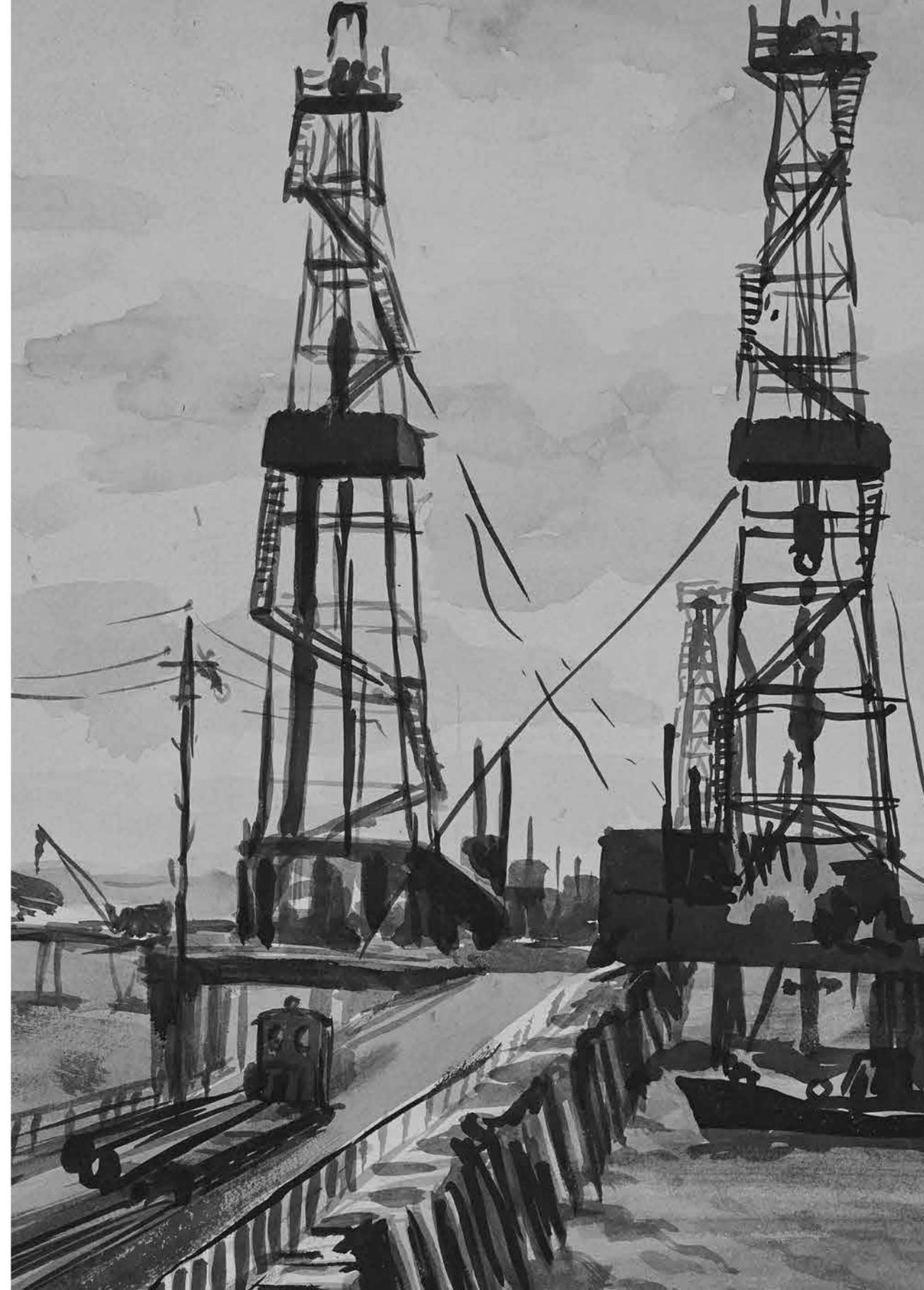
N was there. What a generous gesture
Keep looking for the creative gems
In the regions of your own country
The rural mystics, candid, untempted
Half-baked but ready to be roasted
Pulled out, invested and promoted
Their works are worth to be toasted.

Tower Gateway

On the final station
You get off to set the pace
Collecting art against zeitgeist
Money dissolves in commodities
Expensive pair of shoes has a deadline
The art work is with you for a lifetime
Buy precious pieces without battle
With no fight, no auctions held
Buy female name
Acknowledge, celebrate these female artists!

Her house is a palace of self-identity, of self-concept
Hang on the walls, convey the messages
Don't touch them, watch them, absorb them
Why don't you go and buy your slice of personality?
Art releases dopamine. Collect what you love
And what you love people would love to have
You are in partner with the artist you acquired
You are revolving around the artist's universe.

She knew these art works were her secret answers
Today the story of the century unfolds.

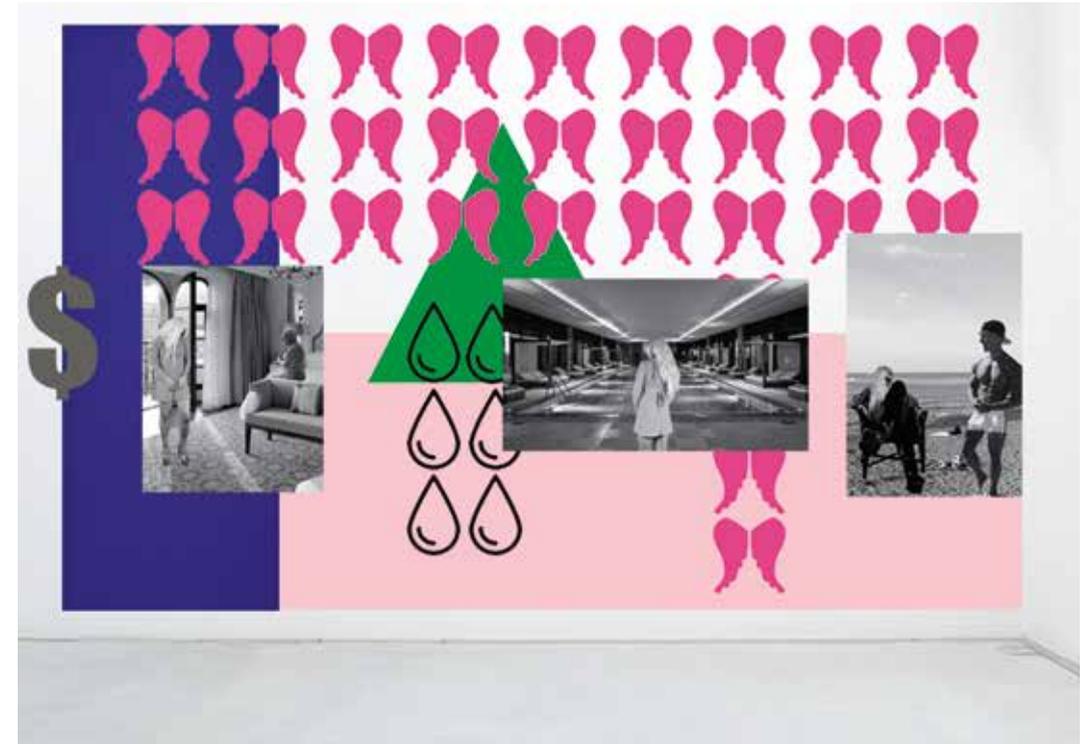
Агиль Абдуллаев

Фотографии серии «Громкие сирены Каспия» восходят к интересу Агиля Абдуллаева к взаимоотношениям между обществом, гендером и сексуальностью. Художник принимает роль Леди Адель Рашиды Пахлавы, одной из его многочисленных альтер эго. Рассматривая современные социальные вопросы посредством сторителлинга, Агиль Абдуллаев находит новое применение переработанному классическому визуальному языку, также используя отсылки к поп-культуре и выявляя общие стереотипы. Лицо Рашиды едва можно увидеть, однако в силу визуального представления зритель презюмирует, что на изображении женщина — длинный светлый парик и характерная одежда, например вызывающе короткое платье и чулки в сеточку. Композиционное решение напоминает полотно Каспара Давида Фридриха «Странник над морем тумана». Но вместо того чтобы в торжественном одиночестве лицезреть горную даль, Рашида стоит у безлюдного бассейна люксовой гостиницы. По языку ее тела и позе можно предположить, что она в поиске. Ищет ли она пожилого джентльмена, с кем Рашида могла бы — хоть и без особого энтузиазма — разделить уединенный гостиничный номер, или же она запечатлена в момент экзистенциального кризиса и сомнений об избранном пути, о собственных убеждениях? Сюжетно Рашида попадает в общественные места или компании других людей, но сама она находится в промежуточном состоянии между принятием решений, из чего следует, что в ответственности за свой выбор она все же остается одна. История, разворачивающаяся на представленных изображениях, заставляет задуматься о гендере и сексуальной идентичности в контексте консервативного и предвзятого общества, а также ставит вопрос о проживании своего жизненного выбора без риска стигматизации и маргинализации.

Agil Abdullayev

The large-scale prints in the *Loud Sirens of The Caspian Bodies II* series stem from Agil Abdullayev's interest in the relationship between society, gender and sexuality. The artist assumes the role of Lady Adele Rashida Baklava, one of his many alter-egos. Using storytelling as a means to address contemporary social issues, Agil Abdullayev recycles classical visual language, makes pop-culture references and reveals common stereotypes. Rashida's face is barely seen, but we assume it is a woman because of the visual language—a long blond wig or clothes such as a seductively short dress and fishnet stockings. The composition is reminiscent of *The Wanderer Above the Sea of Fog* by Caspar David Friedrich. But instead of surveying far away mountains in solemn solitude, Rashida is facing a deserted pool of a luxurious hotel. Her body language and posture suggest that she is in search of something. Is she looking for an elderly gentleman whose company Rashida endures without big enthusiasm in the privacy of the hotel room or does her depiction capture a moment of existential crisis and doubt in her path reflecting on her faith? Although placed in public spaces or company of other people, Rashida is portrayed in between making decisions and thus remaining alone and responsible for her choices. The story unfolding in these images invites to reflect on gender and sexual identity in a conservative and judgmental society, and poses a question on how to manifest one's life choices without being stigmatized and marginalized.

Агиль Абдуллаев
Из серии «Громкие сирены Кас-
пия II»
2019
Инсталляция
Размеры варьируются

Agil Abdullayev
From *Loud Sirens*
of *The Caspian Bodies II* series
2019
Installation
Dimensions variable

Тора Агабаева

Два портрета Садагат Хаял-Кушку мастерски улавливают и вскрывают двойственность ее жизни. Будучи страстной и эмоциональной личностью, Хаял-Кушку, как правило, скрывает свою сущность под многослойным фасадом успешной деловой женщины. Ее публичный образ обязывает следовать определенным правилам большой игры, проявлять рационализм и прагматизм. Представленный портрет в леденцовой палитре изображает уставшую, погруженную в мысли женщину после долгого рабочего дня. Сидящая только что распустила волосы и расстегнула рубашку. Признавшись, что офисный портрет, на котором позирующим обычно присуща поза завоевателя с триумфальной улыбкой, чужды ее восприятию, Хаял-Кушку попросила художницу запечатлеть интимный момент ее жизни. Она считает, что за успехом стоит умение скрывать уязвимость и хрупкость.

Русалы, или мермены (англ. mermen) — полулюди-полурыбы, обитающие в Каспийском море создания, которые уже на протяжении столетий избегают контакта с человеком и селятся на небольших необитаемых островах. Русалы живут спокойной и беззаботной жизнью, укрываясь в зарослях длинной травы, единственной изобильно представленной на их земле растительности. Сохранив вековые традиции и размеренный уклад жизни далеких предков — среди любимых видов досужего времяпрепровождения, например, спортивная борьба и солнечные ванны на скалах, — они в тайне боятся вторжения Человека.

Тора Агабаева
Портрет Садагат Хаял-Кушку
2019
Холст, масло
80 × 80 см (фрагмент)

Tora Aghabayova
Portrait of Sadaqat Khayal-Kuşku
2019
Oil on canvas
80 × 80 cm (fragment)

Tora Aghabayeva

Two portraits of Sadaqat Khayal-Kuşku reveal duality of her life, masterfully caught by the artist. Khayal-Kuşku's essence and true identity as a passionate and emotional person are often veiled under a layered façade of a successful business woman. Her public image obliged to follow certain rules of a big game, be rational and practical. The portrait painted in candy cane colours depicts an exhausted woman, delved into her thoughts after a long working day. A moment ago, the sitter has made her hair loose and unbuckled her shirt. Regarding office portraits in which a sitter takes a conqueror's pose and wears a triumphal smile as artificial and alien to her self-perception, Khayal-Kuşku asked the artist to instead depict an intimate moment. According to her, learning to hide vulnerability and fragility is what stands behind success.

Mermen are half-human half-fish creatures of the Caspian Sea, who have been avoiding contact with humans for centuries and inhabited small deserted islands. They live calm and hasteless lives hidden behind long grass, the only vegetation found in abundance on their land. While still enjoying their idle lifestyle, as their ancestors did, wrestling to kill time or warming on the seashore rocks, they secretly fear the arrival of the Man.

Тора Агабаева
Портрет Садагат Хаял-Кушку
2019
Холст, масло
140 × 140 см

Tora Aghabayeva
Portrait of Sadaqat Khayal-Kuşku
2019
Oil on canvas
140 × 140 cm

Тора Агабаева
Русалы
2018
Холст, масло
190 × 140 см

Tora Aghabayova
Mermen
2018
Oil on canvas
190 × 140 cm

Тора Агабаева
Радио Гага
2018
Холст, масло
180 × 140 см

Tora Aghabayova
Radio Gaga
2018
Oil on canvas
180 × 140 cm

Faig Ahmed

Немой фильм «Социальная анатомия» — одно из самых амбициозных и сложных произведений Фаига Ахмеда. Данный групповой перформанс был заснят одним дублем, и в нем приняли участие сотни людей, которые разыграли традиционные для кавказской культуры жизненные вехи: рождение, взросление, свадьба, похороны. Сверху это собрание людей напоминает муравейник, где каждый член группы осознает иерархию и свою роль в ней, существует на заданной территории. Одинаковые жесты и движения, замкнутые в непрерывную петлю-повтор, становятся механическими и совершенно синхронизированными. По мнению Ахмеда, общество невозможно изменить, не поняв сначала, как оно функционирует. При этом симметрия и фигуры анонимных тел в одинаковой одежде, существующие в пределах четырехугольного настила, отсылают к вековому ремеслу ковроткачества: как часть сложной социальной сети уже и сами люди становятся узлами. Когда-то занимавшие важное место в азербайджанской культуре и ритуалах, сегодня традиционные ковры чаще воспринимаются как архаичный символ либо туристический сувенир.

Фаиг Ахмед

A silent film *Social Anatomy* is one of the most ambitious and complex of Faig Ahmed's creations. The group performance made in one shot involved hundreds of people portraying the milestone events in traditional Caucasian culture—birth, maturation, wedding and funeral. From the aerial view, this gathering of people resembles a formicary where each member of the group knows their role and hierarchy and exist within a given territory. Repeated gestures and movements orchestrated in a continuous loop become mechanical and synchronized to perfection. According to Ahmed, one cannot change society until one understands how it works. At the same time, the symmetry and arrangements of the anonymous bodies in matching clothes, remaining within the boundaries of a green mat, imply a reference to carpet weaving process which has not changed throughout centuries in a complex social net people become knots. Originally an important element in Azerbaijan's culture and rituals, traditional carpets are usually perceived as an archaic symbol or tourist memorabilia.

Фаиг Ахмед
Социальная анатомия
2016
Видео
4'18"

Faig Ahmed
Social Anatomy
2016
Video
4'18"

Орхан Гусейнов

Многоканальная видеоинсталляция «Ателье Советская» переносит зрителя во времени, в самое сердце повседневной жизни яркого уголка старого Баку. Советская — так местные называли один из кварталов, который жил по своим правилам. Данная работа, сияющая теплотой и окутанная чувством ностальгии, совпала по году создания с утверждением плана по реконструкции центра города и сносу большей части Советской. Вместе с неказистыми и извилистыми малоэтажными улочками жилого района развеялась и его уникальная атмосфера. Городские истории, легенды и харизматичные персонажи находят отражение в творчестве Орхана Гусейнова. Визуально схожее с тонированными фотографиями, каждое видео дает представление о яркой, простой, скромной и искренней жизни обитателей Советской.

Серии из оргстекла «Офис» и «Обретенный рай» выделяются резко отличной визуальной эстетикой. Их присутствие в коллекции Садагат Хаял-Кушку символизирует двойственность ее мира — сопоставление ориентированной на результат западной и комфорт восточной культур. Достижения прогресса и финансы сегодня могут быть без особых хлопот применены для воссоздания исламского рая на Земле: основанный на идее комфорта и немедленного удовлетворения основных физических потребностей, земной рай может быть реализован на экзотическом курорте, в ресторане с мишленовскими звездами или в роскошной резиденции.

Orkhan Huseynov

Multichannel video installation *Atelier Sovetski* time-travels its viewer into the heart of quotidian life of one of the most vibrant parts of old Baku. Sovetski, an unofficial name of a neighborhood, lived by its own rules. This work, radiant with warmth and veiled in nostalgia, was created the same year the authorities confirmed demolition of a major part of Sovetski. The year of creation of this work, radiating warmth and shrouded in a sense of nostalgia, coincided with the approval of the city centre reconstruction plan and the demolition of most of the Sovietski. Along disappearance of unprepossessing curvy streets with low-rise residential houses, its unique spirit also vanished. Visually reminiscent to tinted photographs, each video gives a glimpse into vivid, simple, modest and sincere lives of Sovetski's inhabitants.

The Office and *Paradise Gained* plexiglass series have contrasting visual aesthetics. Their presence in Sadaqat Khayal-Kuşku's collection symbolize the duality of her world: juxtaposing the result-oriented Western and the comfort-seeking Eastern culture. Nowadays, the progress and financial means could effortlessly recreate the Islamic paradise on Earth: built on the notion of comfort and immediate fulfillment of basic physical needs, an earthly paradise may be achieved in an exotic resort, a Michelin-starred restaurant or a luxurious residency.

grand total: \$

GENERAL
MANAGER

Орхан Гусейнов
Общая сумма
2013
Плексиглас
12 × 130 см

Orkhan Huseynov
Grand Total
2013
Plexiglass
12 × 130 cm

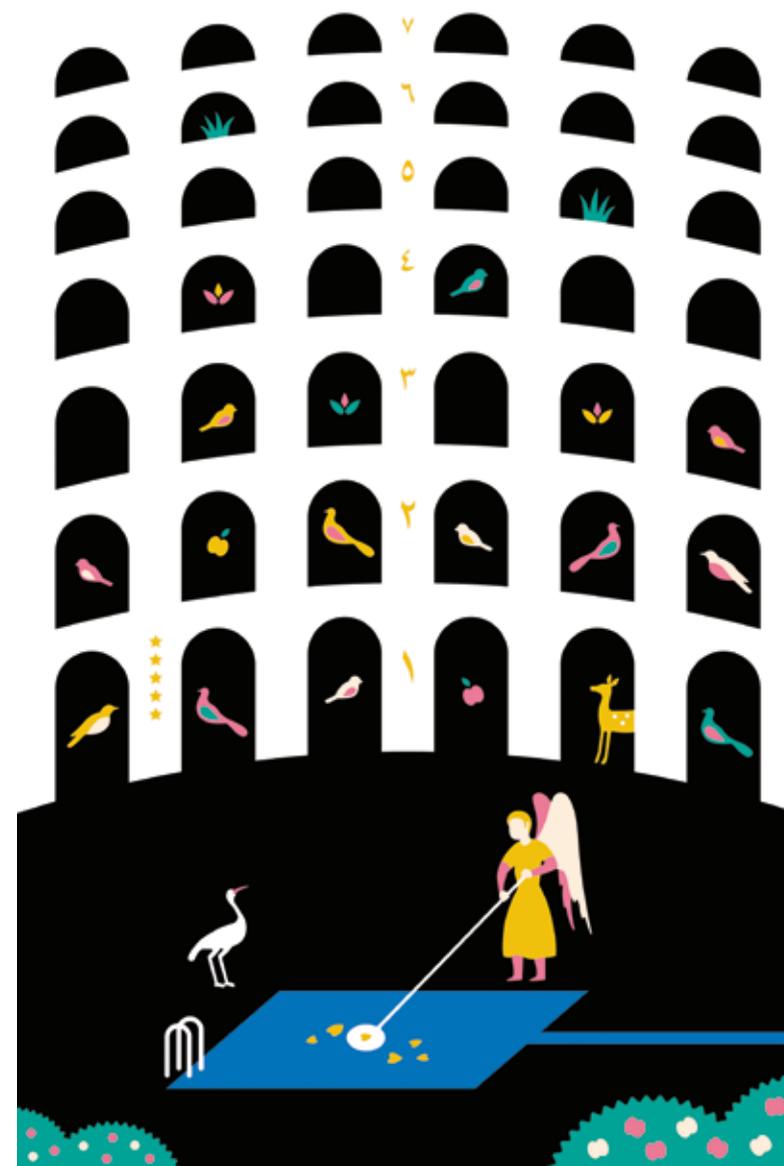
Орхан Гусейнов
Генеральный менеджер
2013
Плексиглас
51 × 90 см

Orkhan Huseynov
General Manager
2013
Plexiglass
51 × 90 cm

Орхан Гусейнов
 День равный тысяче лет
 2018
 Плексиглас
 60 × 90 см

Orkhan Huseynov
 The Day Equal to a Thousand Years
 2018
 Plexiglass
 60 × 90 cm

Орхан Гусейнов
 Семь слоев пяти звезд
 2018
 Плексиглас
 60 × 90 см

Orkhan Huseynov
 Seven Layers of Five Stars
 2018
 Plexiglass
 60 × 90 cm

Орхан Гусейнов
Ателье Советская
2014
Инсталляция
8 закольцованных видео

Orkhan Huseynov
Atelier Sovetski
2014
Installation
8 Looped Video

Махаббат Казымова

Появление работ малоизвестной художницы в коллекции Садагат Хаял-Кушку стало приятной случайностью. Небольшой гобелен, сотканный Махаббат, был подарен коллекционеру в прошлом году соотечественником, с которым ранее Садагат посетила сольную выставку Сони Делоне в Лондоне. К подарку была прикреплена открытка с подписью «Чем тебе не Соня?».

По мнению коллекционера, в девушке есть задатки художника по текстилю, которые стоит развивать и поддерживать. «Нужна большая смелость и мотивация, живя на периферии и не получая необходимой эмоциональной подпитки и не имея творческого круга для общения, продолжать заниматься любимым делом. Для себя, для души, вопреки всему и всем. В ней много терпения и внимательности — это необходимые условия для ткачества. Но помимо знания множества техник, обособленная даже от бакинской арт-среды, не говоря уже о международной художественной сцене, Махаббат интуитивно создает абстрактную графику, которую впоследствии самостоятельно переносит на гобелены и ковры. Но смена обстановки или переезд не решение: молодежи следует децентрализовать искусство в стране и самим создать вокруг себя необходимую им среду. Знакомство с Махаббат, неиспорченным стремлением к монетизации своего творчества, помогло мне пересмотреть свой статус-кво и некоторые предрассудки».

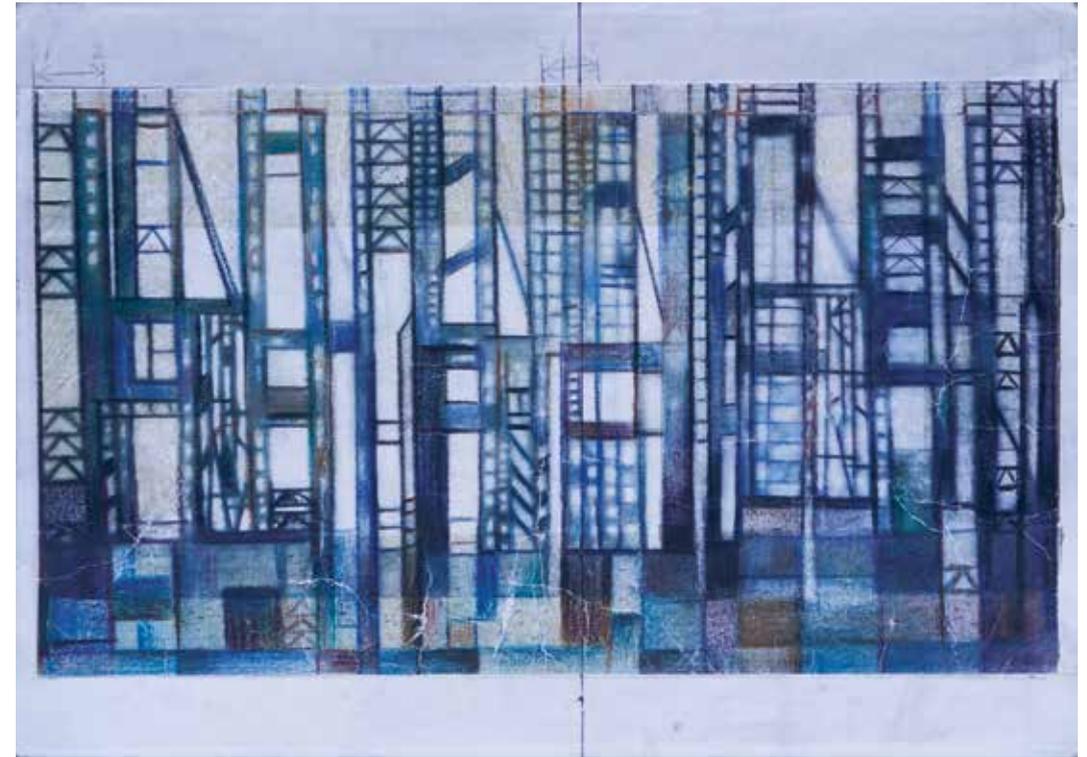
Махаббат Казымова
Дорога
2011
Гобелен
25 × 25 см (фрагмент)

Makhabbat Kazimova
Road
2011
Tapestry
25 × 25 cm (fragment)

Mahabbat Kazimova

Inclusion of works by the little-known artist into the Sadaqat Khayal-Kuşku collection occurred by favorable happenstance. A small tapestry piece by Mahabbat was gifted to the collector last year by a fellow Azerbaijani, with whom Sadaqat visited a Sonia Delaunay exhibition in London. The gift came with a note saying, “Very much like Sonia, is it not?”

The collector believes that Mahabbat has the potential to become a textile artist, and as such should be developed and supported. “Living on the periphery, without access to the necessary emotional energy or a creative community to socialize, it takes a lot of courage and motivation to continue doing what you love. For your own self, for your own heart, in spite of everything and everyone around. She has tremendous patience and attention span—the prerequisites for weaving. Already familiar with many techniques, even in isolation from the Baku art scene let alone global trends, Mahabbat is capable to intuitively make abstract graphics to then translate onto tapestries and carpets. But mobility or moving is not the answer: the younger generations should decentralize art in the country and foster the environment they need locally. Getting to know Mahabbat, uncorrupted by attention and uncorrupted by monetization of her work, pushed me to review the status quo and recognize some of my own biases.”

Махаббат Казымова
Нефтяные скважины
2014
Бумага, карандаш
21 × 29,5 см

Mahabbat Kazimova
Oil Wells
2014
Pencil on paper
21 × 29,5 cm

Медина Касимова

Особое мировосприятие и художественные решения Медины Касимовой определяют неординарность ее творчества. В поиске новых способов живописного выражения, она смело экспериментирует с самыми разными подходами в живописи и графике, но все их объединяет искренность и экспрессия, с которой художница создает свои работы. Для художницы каждая работа — это отпечаток живого впечатления от увиденных мест и встреченных людей, которые она последовательно воссоздает в серии графических набросков и рисунков, прежде чем перенести их на холст. На каждом этапе образы персонажей и ландшафты меняют цвет и формы, обретают иную сюжетность, оставляя от оригинала лишь его сконцентрированный эмоциональный след. Работы Медины пронизаны чувством ритма, им характерны гипертрофированные формы, смелые мазки, яркие и нестандартные сочетания цветов.

Medina Kasimova

The originality of Medina Kasimova's work comes from her unorthodox outlook and artistic solutions. In search for new means of expression in painting, she experiments boldly with a variety of approaches to painting and drawing. All these approaches share a sincere and expressive quality. Each work for Medina is a living impression of personally experienced locations and meetings, which the artist consistently puts into sketches in a series of drawings before committing them to canvas. The images of her characters and landscapes change colors and shapes with each transformation, where they switch narrative lines, only leaving a concentrated emotional trace of the original. Medina's works are permeated with a sense of rhythm, characterized by exaggerated shapes, powerful strokes, bright and unconventional color combinations.

Медина Касимова
Врач Виталий Викторович Грачев
2019
Холст, масло
80 × 50 см

Medina Kasimova
Doctor Vitaly Viktorovich Grachev
2019
Oil on canvas
80 × 50 cm

Медина Касимова
Морской пейзаж
2015
Холст, акрил
83 × 108 см

Medina Kasimova
Sea Landscape
2015
Acrylic on canvas
83 × 108 cm

Медина Касимова
Индийский пейзаж
2019
Холст, масло
80 × 100 см

Medina Kasimova
Indian Landscape
2019
Oil on canvas
80 × 100 cm

Назрин Мамедова
Из серии «Метафизические
пейзажи»
Цветная печать на бумаге
100 × 100 см

Nazrin Mammadova
From *Metaphysical Lanscapes*
series
C-print on paper
100 × 100 cm

Назрин Мамедова

Серия «Метафизический ландшафт» выполнена в технике измененных полароидов. Экспериментируя с реди-мейдом, Назрин Мамедова создает замысловатые абстрактные образы, полученные по наитию и практически свободные от влияний. Сама художница описывает их как «акварели на стероидах». Процесс, в основе которого лежит химическая реакция и ограниченные манипуляции с полароидной карточкой, приводит к образованию невоспроизводимых и уникальных композиций, объединяющих отдельные объекты. Художница также использует специальные приемы проявки отпечатков, но вместо снимка реальности ее работы оказываются продуктами фантазии и экспериментов. Каждая трещина или линия создана силами природы и химии, каждое пятно бирюзы и розового — это реакция на движение, тепло или другое воздействие. Малые по размеру работы располагают к внимательному изучению мягких линий и завихрений. Общее впечатление от серии похоже на увеличенные фрагменты изображений далеких галактик с телескопа «Хаббл».

Nazrin Mammadova

The *Metaphysical Landscape* series is made of altered polaroids. Experimenting with ready-made objects, Nazrin Mammadova creates intricate abstract images that are developed intuitively and with minimal artist influence. She describes them as ‘water colours on steroids’. The process that has at its core a chemical reaction and limited manipulations with the Polaroid picture, result in unreproducible and unique sets of stand-alone objects. The artist employs some techniques of analogue print developing, but instead of a snapshot of reality, her works are products of fantasy and experimentation. Every crack or line is a product of nature and chemistry, every wave of turquoise and pink is a reaction to movement, heat or other action. Small in scale, the works invite to closely study the soft lines and swirls. All together, the series resemble enlarged fragments of the images of far away galaxies made by the Hubble telescope.

Сурайя Муганлы

Проработав более чем 35 лет в качестве директора краеведческого музея Саатлинского района, Сурайя Муганлы одержима своей работой так же, как и желанием рисовать. Все, что она когда-либо создала, находится в ее родном городе. Художнице не нужны далекие путешествия для вдохновения, ей достаточно своего внутреннего мира и переживаний, которые Сурайя сублимирует в своих работах.

Работам Сурайи Муганлы свойственна многоплановость сюжета, ее композиции детально продуманы и наполнены глубоким смыслом. К каждой художница даст развернутое пояснение, цитируя средневекового поэта Насими, либо объясняя роль исследований Николы Теслы в своем творчестве. Во многих работах художницы прослеживается ее интерес к древним культурам доисламского Азербайджана.

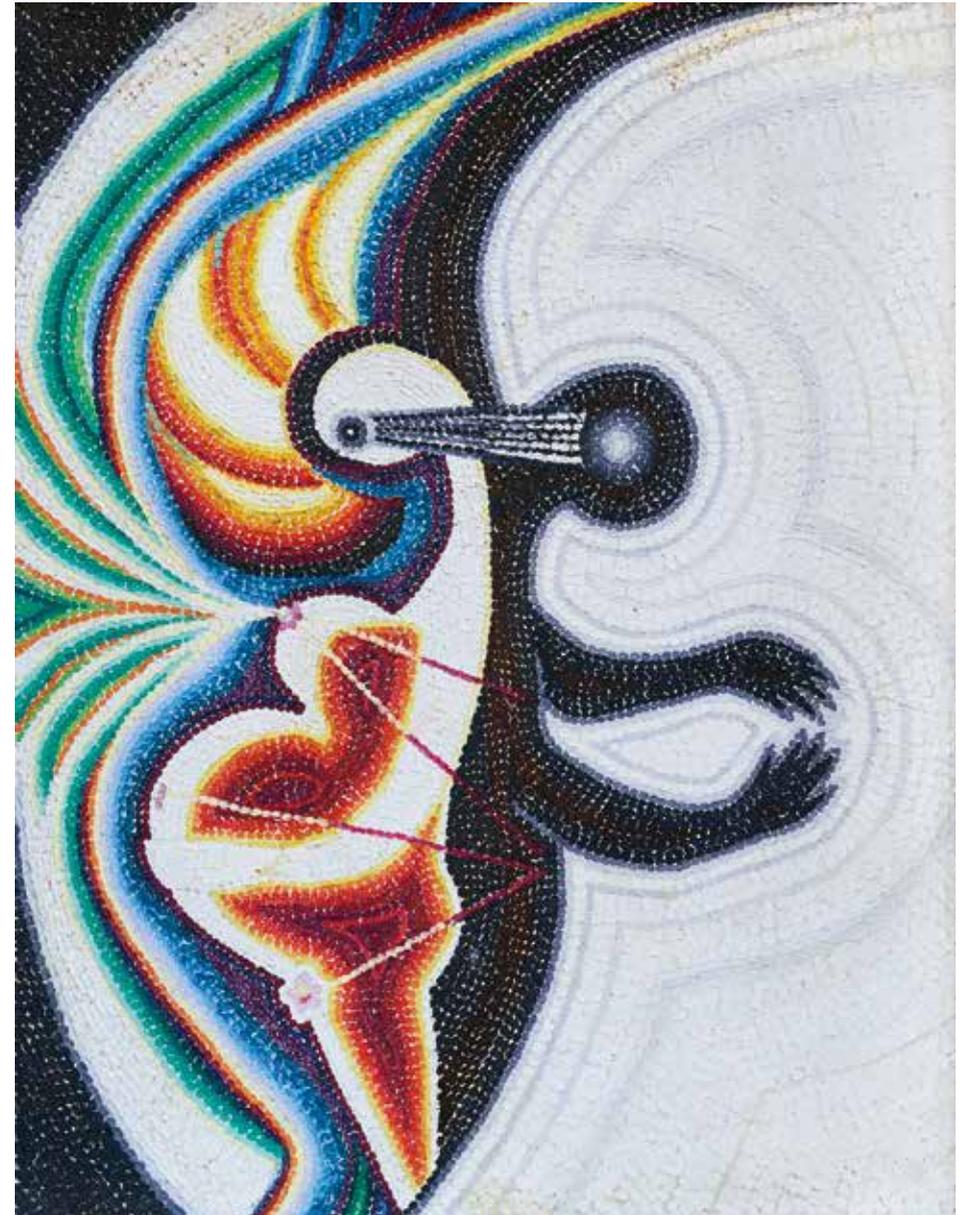
«Ее работы чем-то напоминают мне творчество Ханса Беллмера, в них есть скрытая сексуальность, подавленная энергия, особый магнетизм. Несмотря на то что Сурайя выбирает не самые оптимистичные сюжеты, ее работы не отталкивают, а порой, как это ни парадоксально, даже кажутся жизнерадостными. Возможно, это выбранная художницей цветовая палитра, возможно, моя глубокая симпатия и уважение к ней формируют мое восприятие», — признается Садагат Хаял-Кушку. Коллекционер уверена, что Сурайя Муганлы — феномен национального масштаба, с чьим творчеством еще предстоит познакомиться не только специалистам, но и широкой аудитории.

Surayya Mughanli

Having worked for over 35 years as the director of a Local History Museum of the Saatly District, Surayya Mughanli is just passionate about her artistic work as she is about her administrative duties. All her artistic creations are held in her hometown. She does not need to undertake long journeys in search of inspiration—the artist has a rich enough inner life and world that Surayya sublimates into her work.

Surayya Mughanli's works have multi-layer plot, detailed and intricate compositions filled with deep meaning. In providing explanation to her works, the artist would quote medieval poet Nasimi or link her practice to Nikola Tesla's research. Ancient cults of pre-Islamic Azerbaijan can be traced in many of her works.

“Her work reminds me of Hans Bellmer, it possesses a hidden sexuality, suppressed energy, special magnetism. Although Surayya paints stories that are far from optimistic, her work is not in any way repulsive, and sometimes do seem uncharacteristically cheerful. This personal perception might be due to the color palette or due to my deep sympathy and respect for her,” admits Sadaqat Khayal-Kuşku. The collector is confident that Surayya Mughanli is a national phenomenon, whose creative work is yet to be recognized not only by the professional community but eventually by the general audiences too.

Сурайя Муганлы
Бедный ангел (диптих, 1 часть)
2011
Холст, масло
90 × 70 см

Surayya Mughanli
Poor angel (diptych, 1 part)
2011
Oil on canvas
90 × 70 cm

Нияз Наджафов

Нияз Наджафов занимается фигуративным искусством, пишет пейзажи и натюрморты — такая характеристика звучит обобщенно и скучно, но только до непосредственного знакомства с работами художника. Садагат Хаял-Кушку описывает стиль Наджафова как «откалиброванные мазки», которые превращают акт живописи в высоко динамичный и контактный процесс. При внимательном изучении его произведений бросается в глаза щедрое использование красок, выразительных движений кисти, а также свойство работ сохранять пленительную природную энергию создателя.

Серийность, перекомпоновка и перестановка, постоянный поиск новых форм выражения, эксперименты с цветовыми решениями, введение дополнительных элементов или устранение деталей, переписывание холстов после перерывов — Наджафов создает сотни, а то и тысячи полотен разных размеров с повторяющимися цветочными мотивами, в основном розами. На вопрос «зачем» художник отвечает, что пишет их всю свою жизнь (точнее, незадолго до переезда в Париж). В руках Наджафова миниатюрный буржуазный предмет выворачивается наизнанку и превращается в метафизический диалог художника с самим собой. Кроме того, так как художник размещает работы в общественных местах, диалог охватывает и зрителей вне конвенционального художественного пространства. Цветы Наджафова не «красивы» и могут на первый взгляд показаться возмутительными, но в то же время обладают универсальной привлекательностью. В них можно разглядеть изгибы человеческого тела, эякулирующие фаллические изображения, женские половые органы... При том что они также остаются просто букетами цветов в вазе.

Niyaz Najafov

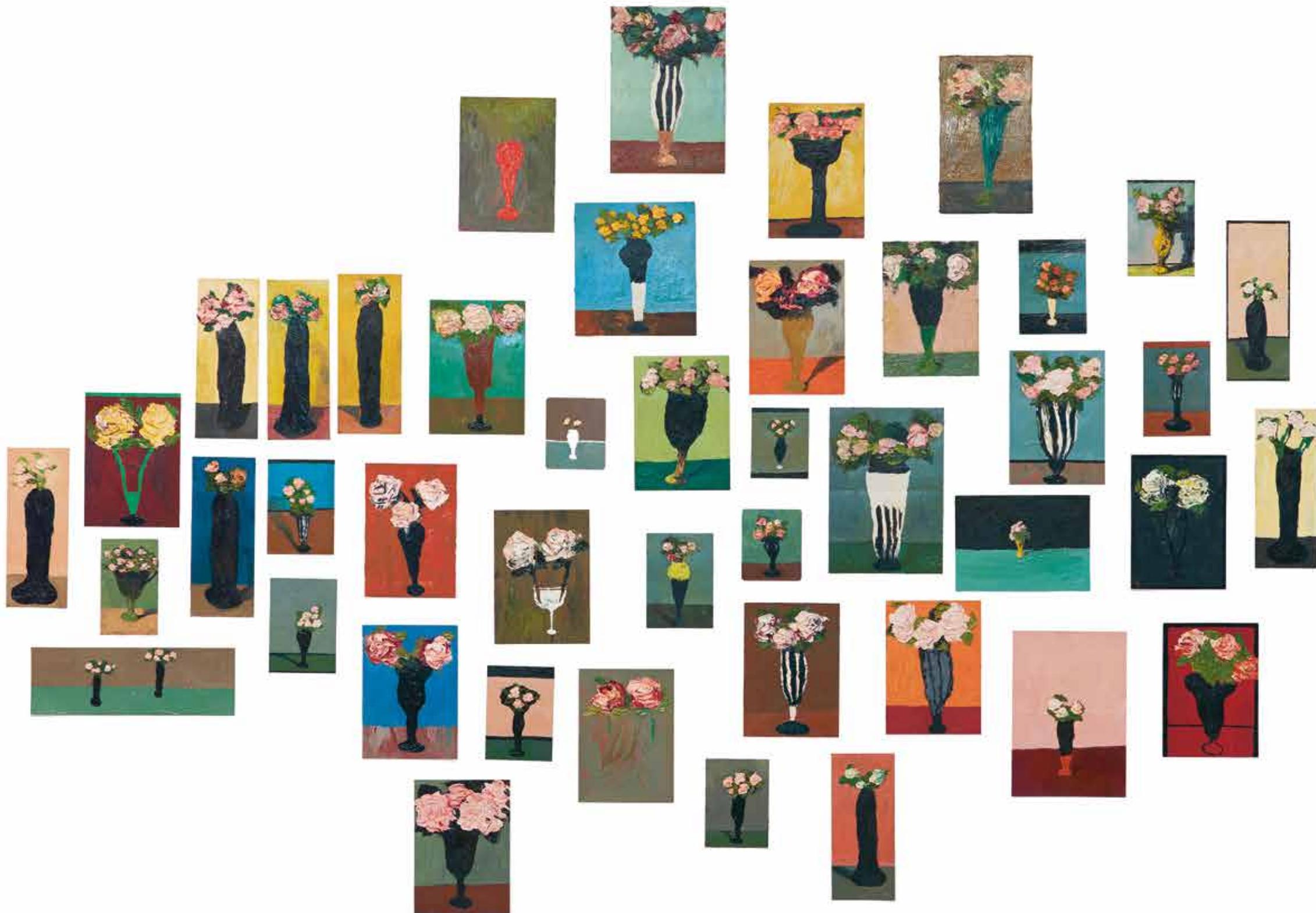
Niyaz Najafov makes figurative art, paints landscapes and still lifes—until one sees his works, this definition sounds too generic and dull. Sadaqat Khayyal-Kuşku describes Najafov’s style as ‘calibrated strokes’ that turn the act of painting into a very physical and dynamic process. A close study of Najafov’s artworks reveals generous use of paint, expressive strokes and also that in spite of passage of time the works retain captivating animalism and energy of the creator.

Multiplication, rearrangement and repositioning, constant search to find new forms of expression, experimenting with color combinations, introducing new elements or eliminating details, repainting canvases put aside months ago—Najafov has been producing hundreds, if not thousands of paintings in various scales, representing a recurring theme of flowers, mainly roses. When asked why he paints them, the artist instead answers that he has been painting them his entire life (to be more precise, shortly before him moving to Paris). Najafov pulls inside out the petit bourgeois subject matter transforming it into a metaphysical dialogue with oneself and, by placing his works in public spaces, with the audience outside of conventional art space. Najafov’s flowers are not ‘beautiful’ and maybe revolting at first sight, at the same time, they are universally comprehensive and appealing. One may see in them curves of the human body, ejaculating phallic depictions, female reproductive organs... yet, they remain a bunch of flowers in a vase too.

Нияз Наджафов
Инсталляция с цветами
2018–2019
Смешанная техника
Размеры варьируются

Niyaz Najafov
Installation with Flowers
2018–2019
Mixed media
Dimensions variable

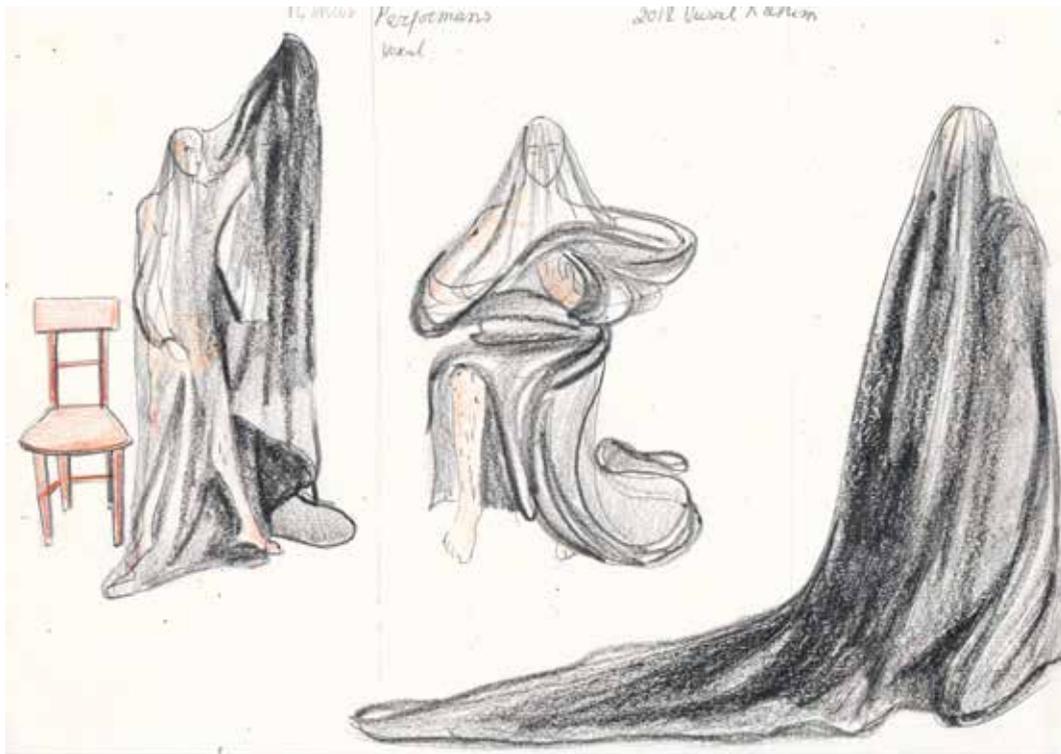

Вюсал Рагим

Рождение и творение — неизменные темы творчества Вюсала Рагима. Фоном для видео «Внутри меня», в котором художник предстает в материнском образе, служит суровый горный пейзаж. А внутри женского персонажа заключена мужская сущность — отсылка к сотворению Евы из адамова ребра. Облаченная в черное и красное, контрастирующее с земляной палитрой окружающего пейзажа, Мать отпускает шаманские ритуалы, сопровождая горловым пением создание антропоморфной фигурки из глины. Символизм присутствует и в выборе цветов: черный ассоциируется с мудростью и фундаментальностью, а красный — двойственностью жизни и смерти, созиданием и разрушением.

Vusal Rahim

Birth and creation are recurring subjects in Vusal Rahim's work. A remote austere mountainous landscape is the backdrop of Rahim's *Inside Me* video in which the artist portrays Mother. Locked inside female character is a male essence—a reference to the creation of Eve from Adam's rib. Draped in black and red veil, contrasting to the earthy colours of the surroundings, Mother conducts shamanistic rituals and pour forth a cappella singing while molding a clay anthropomorphic figure. Symbolism is present also in the staging and selection of colours: black symbolizes the wisdom and profundity, whereas red is perceived as the duality of life and death, creation and destruction.

Вюсал Рагим
Внутри меня
2019
Двухканальное видео
2'27"

Vusal Rahim
Inside Me
2019
Two-channel video
2'27"

Марал Рахманзаде

Работа Марал Рахманзаде положила начало самой крупной частной коллекции азербайджанского современного искусства. Знакомство с жизнью и творчеством первой профессиональной женщины-художницы пробудило интерес коллекционера погрузиться в исследование искусства Азербайджана. Вскоре эта работа обрела важное значение для Садагат как в личном, так и в символическом смысле. Поначалу картина была единственным украшением в небольшой арендуемой квартире. Затем Садагат, понимая, что проводит большую часть времени на работе, перенесла ее на свое рабочее место, а после повышения картина украсила стену нового просторного офиса Садагат. Коллекционер часто ловила себя на мысли о том, что смотрит на эту работу каждый раз, когда ей нужно принять какое-то важное решение. В эти моменты Садагат мечтала о Каспийском море и прогулках по приморскому бульвару. Ей нравилось вглядываться в почти невидимую линию между морем и небом, считать нефтяные вышки на горизонте, ощущать запах мазута, вспоминая времена, когда порт Баку был еще в черте города, и останавливаться, чтобы рассмотреть масляные пятна, переливавшиеся всеми цветами радуги по водной поверхности. Именно поэтому творчество Марал Рахманзаде, воспевающее красоту нефтяных вышек, пластичность строительных кранов, многогранность ветра — от легкого дуновения до сносящей с ног непреодолимой природной силы, — оказалось у Садагат дома. Марал Рахманзаде запечатлела промышленные пейзажи с таким же вниманием к деталям и заботой, с какими она перенесла на холст азербайджанскую природу. В ее работах вмешательство индустриальной техники оказывается не разрушительным для природы, а люди предстают очаровательными героями, решительными и храбрыми.

Maral Rahmanzadeh

This artwork by Maral Rahmanzadeh gave a start to the largest private collection of contemporary art from Azerbaijan. Future collector's interest to learn more about art from Azerbaijan was sparked by reading about the first professional female artist. With the passage of time, the artwork started to have an important personal and symbolic meaning to Sadaqat. At first, it was the only decoration in a small rented studio. Then, realizing that she spends most of the time at work, Sadaqat brought it into her office cubicle, and after her promotion, it found place in Sadaqat's new spacious office wall. Sadaqat would often catch herself looking at the artwork every time she had to take some important decisions. In these moments, Sadaqat would dream of the Caspian Sea and a stroll on a boulevard. She enjoyed to peer into almost invisible line between the sea and the sky, count oil rigs at the horizon, and, when Baku port was still within the city, to inhale the smell of mazout and slacken the pace to contemplate splotches that radiated all the colours of the rainbow on the water surface. Because of all that, Maral Rahmanzadeh's art that lyricized the beauty of oil rigs, plasticity of industrial cranes, the manysideness of the wind—from light breeze to demalating and insurmountable natural power, came home to Sadaqat. Maral Rahmanzadeh captured machine landscapes and industrial sceneries with the same attention to details and care as she painted Azerbaijan's nature. In her works, industrial interventions were not abusive to nature and humans were captivating heroes, vigorous and valiant.

Maral Rahmanzadeh
Overpass. From the *Oil Rocks* series
1956
Watercolor
38 x 48.5 cm
Courtesy of the Azerbaijan National
Museum of Art

Марал Рахманзаде
Эстакада. Из серии «Нефтяные камни»
1956
Акварель
38 x 48,5 см
Предоставлено Азербайджанским
Национальным Музеем Искусств

Айдан Салахова

Работа «Триптих» иконографична. Даже если так, минимализм и фигуративность создают абстрактное и универсальное изображение духовности. Комбинируя и располагая на холсте небольшое количество элементов — белую ткань и черную линию на золотом фоне — Айдан Салахова стремится пробудить эффект дежавю. Тем не менее она способна создавать свой собственный визуальный язык и лишь намекать через ассоциации на некоторые связи, которые каждый зритель складывает самостоятельно и индивидуально. Красота и величественность белой ткани разделена черной линией — центральным элементом триптиха. Будучи более узкой, чем две остальные части, она как бы намекает зрителю, что темнота расширяется за пределы холста и продолжается вечно. В своих последних картинах и мраморных скульптурах Айдан Салахова продолжает переосмыслять узнаваемые формы, фигуры, цветовые коды и другие установленные понятия, которые она реконструирует и представляет через собственный взгляд — как свежие и смелые. Салахова достигает совершенства в формах, фигурах и конечном результате.

Aidan Salakhova

The work *Triptych* is reminiscent to iconography. And even if so, minimalism and figuration create an abstract and universal spirituality depiction. By combining and positioning few elements—a white cloth and a black line on a golden background—Aidan Salakhova awakens a *déjà vu* effect. Yet, she is able to develop her own visual language and only hints through associations on some connections that each viewer puts together independently and individually. A beauty and solemnity of a white cloth is divided by a black line—the central piece of the triptych. Narrower than the other two panels, it may suggest to a viewer that the blackness expands beyond the canvas and continues eternally. In her recent paintings and marble sculptures, Aidan Salakhova continues to absorb recognizable forms, shapes, colour codes and other established notions that she then reconstructs and presents as her own—fresh and daring. Salakhova throws her heart into her work reaching perfection in shapes, form and production.

Айдан Салахова
Без слов № 33
Из серии «Книга»
2019
Скульптура, мрамор
10 × 40 × 30 см

Aidan Salakhova
Without Words No. 33
From *Book* series
2019
Marble sculpture
10 × 40 × 30 cm

Айдан Салахова
Без слов № 19
Из серии «Книга»
2016
Скульптура, мрамор
15 × 43 × 30 см

Aidan Salakhova
Without Words No. 19
From *Book* series
2016
Marble sculpture
15 × 43 × 30 cm

Айдан Салахова
Накидка
2013
Скульптура, мрамор
43 × 29 × 23 см
Из собрания Андрея Малахова

Aidan Salakhova
Niqab
2013
Marble sculpture
43 × 29 × 23 cm
From the collection of Andrey Malakhov

Айдан Салахова
Триптих / Без названия
2016
Холст, акрил, карандаш
220 × 125 см

Aidan Salakhova
Triptych / Untitled
2016
Acrylic, pencil on canvas
220 × 125 cm

Айдан Салахова
Без названия
Из серии «Орнаменты»
2019
Холст, масло, акрил, карандаш
153 × 115 см

Aidan Salakhova
Untitled
From *Ornaments* series
2019
Oil, acrylic, pencil on canvas
153 × 115 cm

Айдан Салахова
Без названия
Из серии «Орнаменты»
2019
Холст, масло, акрил, карандаш
153 × 115 см

Aidan Salakhova
Untitled
From *Ornaments* series
2019
Oil, acrylic, pencil on canvas
153 × 115 cm

Фархад Фарзали

«Ты мой единственный тигр» — это живой междисциплинарный исследовательский проект, изучающий символику животных узоров и охватывающий социальные, культурные, гендерные и экономические аспекты, а также ассоциативную память в привязке к кошачьим окрасам. Первобытная связь между редкими мехами животных и властью, деньгами или декадансом в последние десятилетия претерпевает быстрые изменения: начиная с эпохи модерна их популярность в модной одежде и дизайне интерьеров привела к тому, что животные узоры стали частью поп-культуры и массового потребления, а это, в свою очередь, привело к демократизации и переоценке таких паттернов. Из недоступного статусного атрибута они превратились в один из обязательных элементов женского гардероба. Наше воображение ассоциирует женщину в леопардовом или тигровом узоре с животной пластичностью, провокацией и мягкостью в сочетании с соблазнительной женственностью, шаловливостью и игривостью.

Фарзали играет с визуальным языком непритязательной поп-культуры. Его скульптуры ручной работы, схожие по размерам и дизайну с популярными в его детстве мягкими игрушками, перешиты из одежды, купленной на рынке Седерек — месте, которое непременно надо посетить любому, кто желает погрузиться в современную фольклорную эстетику пригородного Баку. Совмещая «вторую кожу» человека с явно тигровыми формами, художник создает тотемы, на первый взгляд обманчиво аляпистые и милovidные, но в то же время в природе своей сексуально хищнические.

«Рунаншах» — промежуточная презентация исследований Фархада Фарзали о существе с рыбьим хвостом, которое обитает в Каспийском море. В мифологии эти древние существа выходили из вод и жили среди людей, передавали свои навыки и знания. В последние десятилетия участились сообщения очевидцев и СМИ о встречах с подобными амфибиями на маршрутах нефтяных танкеров и рыболовных траулеров. Эта тема овладела интересом художника, и он стал тщательно собирать и изучать научные статьи и интервью с натуралистами в попытках определить, насколько велика вероятность того, что Рунаншах все еще живет в отдаленных частях Каспийского моря, самого большого соленого озера с уникальной экосистемой.

Farhad Farzali

You are My Only Tiger is an ongoing multidisciplinary research project investigating the symbolism of an animal print and covering social, cultural, gender-related and economic aspects and associative memory evoked by feline patterns. The primordial connection between rare animal hides and power, money or decadence has been rapidly shifting in the past decades: since Art Nouveau, their popularity in fashion and interior design propelled such ornaments into pop culture and mass production—democratizing the print and reevaluating its symbolism. From an unattainable status symbol they descended to an item in every woman's wardrobe. Our imagination relates a woman adorning leopard or tiger print with animal plasticity, provocation, softness mixed with beguilingly femininity, friskiness and playfulness.

Farhad Farzali plays with the visual language of lowbrow pop culture. His handsewn tiger sculptures, reminiscent by size and design of soft toys popular during his childhood, are stitched from readymade clothes bought on Sederek market—the absolute must if you want to delve into the contemporary folk aesthetics of suburban Baku. By shuffling human's 'second skin' onto tiger-shaped curves Farzali creates totems, deceptively tacky and cute at the first glance, and sexually predate in their nature.

Runanshah is an interim presentation of Farhad Farzali's research on a fish-tailed creature inhabiting the Caspian Sea. In mythology these ancient creatures emerged from the waters and blended in with humans, passing their skills and knowledge. In the past decades there has been an increasing number of eye-witness reports and media coverage of alleged sightings of this amphibious creature along the routes of oil tankers and fishing trawlers, which has ignited the artist's curiosity. He has meticulously collected and studied scientific articles and interviews with naturalists to decide for himself how likely is the possibility of Runanshah still living in the remote parts of the Caspian Sea, the largest salty lake with a unique ecosystem.

Фархад Фарзали
Я твой единственный тигр
2015
Текстиль
220 × 150 см

Farhad Farzali
I Am Your Only Tiger
2015
Textiles
220 × 150 cm

Фархад Фарзали
Я твой единственный тигр
2015
Текстиль, синтепон,
пенопласт
110 × 30 × 44 см

Farhad Farzali
I Am Your Only Tiger
2015
Textiles, padding
polyester, foam
110 × 30 × 44 cm

Фархад Фарзали
Я твой единственный тигр
2015
Текстиль, синтепон,
пенопласт
110 × 30 × 44 см

Farhad Farzali
I Am Your Only Tiger
2015
Textiles, padding
polyester, foam
110 × 30 × 44 cm

Ирина Эльдарова

Продолжающаяся серия «Девушки предпочитают нефтяников» разворачивается в утопической выдуманной версии города Баку, в 1950–60-х известного своей теплой космополитичной атмосферой. Словно путешественница во времени, Ирина Эльдарова мастерски привносит в свои полотна романтику южного города, хотя, родившись и живя в Москве, она впервые посетила Баку только в 1980-х. Кинематографичные по композиции, экспериментальные по визуальному языку, смелые по палитре, ее картины — игра с альтернативной историей, в которой Мэрилин Монро отправляется в советский Азербайджан и романтически увлекается нефтяником.

Вместо популярного идеализированного советского реализма, в традициях которого нефтяники изображались как бесстрашные герои промышленности, бросающие вызов природе и привыкшие к суровому образу жизни на Нефтяных Камнях, Ирина Эльдарова пишет более вкрадчивые, интимные портреты, в которых на передний план выходят человеческие отношения и эмоции. Ее работа «Предложение» напоминает романтические сцены из классических итальянских фильмов, очень популярных в Советском Союзе. Холст повествует о встрече «строителя коммунизма» с легендарной американской красоткой. Художница успешно передает наивную невинность момента, позволяя зрителю искренне поверить в фактически невозможную ситуацию. Картина излучает позитивную энергию и ностальгию по тем временам, когда женщина краснела от комплимента, а мужчина искал супругу на всю жизнь. Актриса вновь появляется в картине «Полет Гагарина», она ликует вместе с толпой, празднующей первый полет человека в космос. Здесь, среди товарищей, Мэрилин может наконец отбросить наигранность и забыть о своем эпическом амплуа квинтэссенции женской сексуальности.

Самая новая серия Эльдаровой «Я тоже хочу» посвящена теме человеческих желаний, зачастую подавляемых общественными нормами и непосредственными обязательствами. Хотя картина изображает женщин разных эпох и разного социального статуса, художница считает, что чувства и желания универсальны для всех во все времена и что ради душевного здоровья их нельзя прятать или подавлять.

Irina Eldarova

The ongoing series *Girls Prefer Oilmen* is built around a utopian fantasy set in Baku, famous for its warm cosmopolitan atmosphere in the 1950–60s. As if a time traveler, Irina Eldarova masterfully transmits romanticism of the Southern City onto her canvases, even though as a Muscovite she never visited Baku until the 1980s. Cinematographic in composition, experimental in visual language, bold in colour combinations, the paintings are a play on alternative history where Marilyn Monroe travels to Soviet Azerbaijan and gets romantically involved with an oilman.

Instead of highly popular idealized Soviet Realism depiction of oil workers as industrial heroes fearlessly facing nature's raptures and accustomed to an austere lifestyle on the Oil Rocks, Irina Eldarova creates closer, more intimate portraits where human relations and emotions prevail. *Proposal* evokes romantic scenes from classical Italian movies, very popular in the Soviet Union. The story narrates the encounter between a 'builder of Communism' and a legendary American bombshell. The artist captures the naivety and innocence of the moment allowing the viewer to sincerely believe in an otherwise impossible scenario. The painting emits positive energy and nostalgia for the times when a woman was blushing from a compliment and a man was looking for a lifelong partner. The actress reappears in *Gagarin Flies*: cheering with the crowd celebrating the success of the space mission. Here, among comrades, Marilyn may finally shed her artificiality and forget about being a timeless quintessence of female sexuality.

Eldarova's most recent *I Want It Too* series tackle the subject of human wishes and desires—often suppressed by societal norms and immediate obligations. Although the painting depicts women from various eras and of different societal status, the artist believes that feelings and desires are universal and timeless, and that they should not be hidden nor oppressed for the sake of our sanity.

Ирина Эддарова
Я тоже хочу
2019
Холст, масло
120 × 160 см

Irina Eldarova
I Want It Too
2019
Oil on canvas
120 × 160 cm

Ирина Эльдарова
Нефтяное танго. Из серии «Девушки предпочитают нефтяников»
2016
Холст, масло
152 × 152 см

Irina Eldarova
Oil Tango
From *Girls Prefer Oilmen* series
2016
Oil on canvas
152 × 152 cm

Ирина Эльдарова
Лебединое озеро. Из серии «Девушки предпочитают нефтяников»
2019
Холст, масло
140 × 140 см

Irina Eldarova
Swan Lake
From *Girls Prefer Oilmen* series
2019
Oil on canvas
140 × 140 cm

Ирина Эльдарова
Гагарин летит. Из серии «Девушки
предпочитают нефтяников»
2019
Холст, масло
140 × 140 см

Irina Eldarova
Gagarin Flies
From *Girls Prefer Oilmen* series
2019
Oil on canvas
140 × 140 cm

Ирина Эльдарова
Предложение. Из серии «Девушки
предпочитают нефтяников»
2019
Холст, масло
140 × 140 см

Irina Eldarova
Proposal
From *Girls Prefer Oilmen* series
2019
Oil on canvas
140 × 140 cm

Зарнишан Юсиф

Зарнишан Юсиф обычно черпает вдохновение в найденных предметах. Серия картин «Древний Азербайджан» включает коллажи из старинных открыток, фрагментов писем, фотографий, кружевных тканей, прикрепленных к холсту или использованных в качестве трафаретов. Получающиеся в результате абстракции складываются в сложные, многослойные и нелинейные сюжеты. Встраивая найденные объекты в поверхность холста, накладывая на них мазки краски и экспериментируя с самой техникой, художница приглашает зрителя склониться ближе к полотну и буквально шагнуть в ее неоориенталистические фантазии. Одна из картин наполнена узнаваемыми образами первого нефтяного бума Баку, который сулил стране вечное процветание и прогресс, а также портретами горожан из различных социальных слоев того исторического периода. Художница сопоставляет мужчин, занимающихся торговлей или ручным трудом, запечатленных на оживленных улицах города, с портретами женщин, сделанными в приватности их жилища. Они позируют в своих лучших платьях и семейных украшениях, пытаясь изящно подать себя наподобие диковинных моделей для серии открыток *Types du Caucase* — популярного прежде колониального пикторизма о «других» культурах. Компонировка изображений в линию реминисцентна прорези для глаз в женской парандже.

Zarnishan Yusif

Zarnishan Yusif usually takes inspiration from found objects. *The Old Azerbaijan* painting series includes collages made of antique postcards, letter fragments, photos, laced textiles attached to the canvas or used as stencils. The resulting striking abstract paintings produce an intricate multilayering and non-linear storytelling. Elaborating found objects onto canvas surface, overlaying them with brush strokes and experimenting with painting techniques, the artist is tempting viewers to lean forward and almost step into her neo-Orientalist fantasies. One of these paintings has recognizable images of Baku's first Oil Boom that promised eternal prosperity and progress to the country, and portraits of the city dwellers of various social classes of the same historical period. The artist juxtaposes men engaged in trade or manual work caught in the busy street corners of the city with portraits of women taken in the privacy of their homes. Adorning their best dresses and family jewelry for the occasion to gracefully pose as exotic sitters for Types du Caucase postcard series, a popular colonial pictorialism of 'The Other' cultures. The arrangements of these images might suggest the narrow opening for eyes in a woman's veil.

Зарнишан Юсиф
Из серии «Древний Азербайджан»
2015–2019
Холст, смешанная техника
70 × 70 см

Zarnishan Yusif
From *The Old Azerbaijan* series
2015–2019
Mixed media on canvas
70 × 70 cm

Зарнишан Юсиф
Из серии «Древний Азербайджан»
2015–2019
Холст, смешанная техника
70 × 80 см

Zarnishan Yusif
From *The Old Azerbaijan* series
2015–2019
Mixed media on canvas
70 × 80 cm

Зарнишан Юсиф
Из серии «Древний Азербайджан»
2015–2019
Холст, смешанная техника
100 × 100 см

Zarnishan Yusif
From *The Old Azerbaijan series*
2015–2019
Mixed media on canvas
100 × 100 cm

Зарнишан Юсиф
Из серии «Древний Азербайджан»
2015–2019
Холст, смешанная техника
100 × 100 см

Zarnishan Yusif
From *The Old Azerbaijan series*
2015–2019
Mixed media on canvas
100 × 100 cm

Послесловие

МАРИНА БОБЫЛЕВА

В переводе с английского название проекта «Extension» означает «расширение» — с каждой выставкой цикла зритель знакомится с новыми именами в современном искусстве и расширяет не только свой художественный словарь, но и понимание практик, процессов и повестки, существующей в разных странах мира. При подготовке выставки «Бархатные признания», которая стала десятым проектом «Extension», куратор Асли Самедова предложила посмотреть на современных азербайджанских художников с необычного ракурса — с позиции коллекционера. Так, данная выставка стала не только возможностью обозначить основные имена и локальную проблематику, но и попыткой рассмотреть вопрос появления коллекций, частного выбора и филантропии.

Создавая образ коллекционера, мы попытались представить, какие причины могут побудить человека собирать искусство, связано ли это с эмоциональным минутным решением, более глубокими чувствами или инвестиционным расчетом. В итоге Садагат Хаял-Кушку получилась таким коллекционером, каким его, наверное, хотел бы видеть каждый художник и куратор, а именно меценатом, для которого желание поддержки искусства в целом стало движущей целью.

Включенная в это издание поэма современной азербайджанской поэтессы Лейли Салаевой описывает будни Садагат Хаял-Кушку, которая за чередой деловых встреч или проводя время в офисе смотрит на работы из своей коллекции и уносится мыслями в воспоминания, пытаясь осмыслить свою идентичность. Кураторский текст Асли Самедовой был подготовлен как интервью-диалог, раскрывающий причины привязанности коллекционера к своей коллекции. Также в каталог включен очерк историка Фуада Ахундова, который позволит перенестись в Баку на сто лет назад и познакомиться с первыми азербайджанскими филантропами и их активной деятельностью, изменившей жизнь столицы и его жителей.

Размышления о коллекционировании как о стремлении собирать и упорядочивать предметы и явления непременно приводят к мысли о важности сохранения, спасения как самого ценного, так и недооцененного. Выставка «Бархатные признания» объединяет множество образов, артефактов, наблюдений и вымыслов, которые художники, будучи в душе тоже коллекционерами, представляют зрителю. В разнообразии техник и творческих подходов выставка затрагивает связь между художником и коллекционером и напоминает о значении персонального вклада в культуру.

Outro

BY MARINA BOBYLEVA

The name of the project—Extension—speaks for itself: with each exhibition of the series, viewers get to learn about new names in contemporary art and not only add new entries to their art dictionary but also expand their understanding of practices, processes and agendas in different countries of the world. As this exhibition *Off the Velvet Chest* was being put together, the tenth installment in the Extension project, its curator Asli Samedova proposed to look at modern Azerbaijani artists from an unusual perspective—as a collector. This made the exhibition more than an opportunity to showcase major names and local problems but also an attempt to think about how collections emerge, about private choices and philanthropy.

Considering the image of a collector, we tried to imagine what could drive a person to collect art, whether it is related to an impulsive decision, some deeper feelings or an investment calculus. As a result, Sadaqat Khayal-Kuşku turned out to be just the collector as every artist and curator would probably like to have. She was a patron of the arts, for whom the desire to support art has in itself become that driver.

This catalogue also features a poem by modern Azerbaijani poetess Leyli Salayeva who describes the everyday life of Sadaqat Khayal-Kuşku. The collector, bogged down by incessant business meetings and office work, takes time to contemplate her collection and get carried away in thoughts, trying to understand her own identity. The curatorial text was done by Asli Samedova as an interview, a dialogue revealing and explaining the collector's attachment to her collection. Also included is an essay by historian Fuad Akhundov, which transplants the reader back in time to Baku one hundred years ago to meet the first Azerbaijani philanthropists and see their efforts that changed the lives of Baku and its citizens.

Reflections on art collection as a desire to acquire and organize objects or phenomena inevitably lead to the idea of the importance of preservation, saving both the most valued and the undervalued. The exhibition *Off the Velvet Chest* brings together many images, artifacts, observations and fictional stories that artists—who are collectors at heart too—produce for the audience. The diversity of techniques and creative approaches enables the exhibition to explore the relationship between the artist and the collector, and to reiterate the importance of personal contribution to culture.

Агиль Абдуллаев (1992)

Мультимедийный художник и представитель социально ангажированного искусства, Агиль Абдуллаев в основном использует такие техники, как анимация, перформанс и фотография. Абдуллаев стремится способствовать диалогу между идентичностью и обществом, играя на контрастах между женственностью и мужественностью, публичной и частной жизнью, политикой и обществом, западными и восточными культурными стандартами, налаживая контакты между этими полюсами. Агиль окончил с отличием бакалавриат отделения изящных искусств Университета Ноттингем Трент в 2018 году и удостоился нескольких поощрений и грантов: приглашения участвовать в ежегодной выставке «Новые современники» в 2018 (при поддержке Bloomberg), арт-резиденции в проекте ATTIC некоммерческой организации One Throseby Street в Ноттингеме (Великобритания), гранта «Искусство и культура» от Швейцарского агентства развития и сотрудничества. Работы Абдуллаева были представлены на Тбилисском фотофестивале (2019), в лондонской Галерее фотографов (2019), на Ливерпульской биеннале (2018), на биеннале цифровых изображений The Wrong—New Digital Art Biennale (2017), в галерее современного искусства Tate Modern (2016), на 4-й Московской международной биеннале молодого искусства (2012).

Тора Агабаева (1979)

Окончив магистратуру Азербайджанской государственной академии художеств по специальности «живопись» в 2002 году, Тора Агабаева жила в Шанхае (КНР), а сейчас проживает в

Берлине (Германия). Ее классическое художественное образование проявляется в тщательной прорисовке деталей, которой отмечены ее работы, несущие в себе отзвуки советского реализма, искусства эпохи Возрождения и романтизма. Ее картины, на которых изображены то фантастические существа из Каспийского моря, то пейзажи, заряжены позитивной энергией и юмором. Многие работы Тора отмечены женским взглядом на сексуальность: избегая овеществления, художница шуточно играет с ориенталистской стилистикой, применяя ее в изображении сцен из повседневной жизни. Агабаева выставлялась в азербайджанском павильоне на 52-й Венецианской биеннале в 2007 г., а также на групповых выставках в Центральном выставочном зале «Манеж» (1999), Центре современного искусства в Ставангере (2010), Музее PERMM (2011, 2015), на выставке FO YOU Voluntary Art Liaison в Берлине (2018), а также в кипрском Музее современного искусства (2019), который приобрел ее картины для своей коллекции. Тора участвовала в передвижной выставке Fly to Baku (2011–2012) и выставке современного азербайджанского искусства «Конфетные горы, нефтяные берега», организованной Музеем современного искусства PERMM в 2015 г.

Фаиг Ахмед (1982)

Фаиг Ахмед известен прежде всего своим концептуальным подходом к азербайджанскому ковру, эстетика которого получает у него новое прочтение. Деконструируя традиции и стереотипы, Ахмед в своих произведениях переосмысливает древние ремесла и создает новые визуальные границы. В 2007-м году он представлял Азербайджан

на дебютной для страны 52-й Венецианской биеннале, в 2013-м, снова на Венецианской биеннале, участвовал в коллективной выставке Love Me, Love Me Not, а в 2018-м выставлялся на 11-й Биеннале визуальных искусств стран Меркосур. В 2013 году он вошел в список финалистов премии Jameel Prize 3, учрежденной лондонским Музеем Виктории и Альберта. Произведения Фаига Ахмеда демонстрировались на коллективных выставках в бостонском Музее изящных искусств, Музее Бельвю в Вашингтоне, кливлендском Музее современного искусства, Институте искусств и дизайна в Милуоки, сиднейском Музее декоративно-прикладного искусства и науки и Музее старого и нового искусства в Тасмании. Персональные выставки Фаига Ахмеда проходили в 2016 году в Римском музее современного искусства (MACRO), в 2017-м в бакинском Центре современного искусства YARAT и в Текстильном музее шведского города Бурос. Его работы находятся в частных коллекциях и в музеях: в США — в Художественном музее округа Лос-Анджелес, Художественном музее Сиэтла, Художественном музее Палм-Спрингс, Музее Школы дизайна Род-Айленда и Художественном музее Крайслера; во Франции — в Музее Баргуэна; а также в Национальной галерее Виктории в Австралии и Музее современного искусства «Арсенал» в Монреале, Канада.

Орхан Гусейнов (1978)

Мультимедийный художник Орхан Гусейнов живет в Баку. Многогранное творчество Гусейнова вырастает из его интереса и восхищения устными традициями, декоративно-прикладным искусством и историей Азербайджана. Пре-

леплетая местный контекст с массовой культурой и наиболее насущными проблемами общества, Гусейнов сформировал легко узнаваемый стиль — прочувствованный, эксцентричный и глубоко интеллектуальный. Произведения Гусейнова многократно экспонировались на коллективных выставках в Азербайджане и за его пределами: в бакинском Центре Гейдара Алиева, Музее истории искусств (Вена), Национальном музее искусств XXI века MAXXI (Рим), на берлинской выставочной площадке me Collectors Room Room, в галерее Phillips de Pury, на выставке Love Me, Love Me Not в рамках параллельной программы 55-й Венецианской биеннале в 2015 году, в Фонде Шелли и Дональда Рубинов в 2017. Персональные выставки художника проходили в Тропическом музее (Амстердам) в 2003 году и бакинском Центре современного искусства YARAT в 2017 году.

Махаббат Казымова (1992)

Отучившись в Национальной академии искусств на факультете декоративно-прикладного искусства, Махаббат Казымова в возрасте двадцати двух лет вернулась в родной Гейчай. В последние годы художница работает в технике гобелена и сама тклет небольшие ковры по собственным эскизам. Участница многих республиканских выставок, организованных Союзом художников Азербайджана, групповых выставок в Музейном центре Баку. В 2019 году состоялась первая сольная выставка художницы в Гейчае.

Медина Касимова (1995)

Выпускница Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки. Получив классическое образование, художница продолжила работать в технике живописи и графики, смело экспериментируя с разными подходами, выработав свой уникальный художественный язык. Первая персональная выставка Медины прошла в Мультимедиа Арт Музее (Москва) в 2018 году. В октябре 2019 года художница принимала участие в ярмарке современного искусства SAM FAIR, проходившей на территории петербургского Музея стрит-арта.

Назрин Мамедова (1989)

Живущая в Баку уроженка Кутаиси азербайджанская художница Назрин Мамедова исследует в своем творчестве процесс получения опыта как такового. Используя различные художественные практики, в том числе визуальные искусства, новые медиа и звуковой дизайн, Мамедова расширяет границы своих исследований в диалоге с другими дисциплинами и системами знания. Творчество для Мамедовой — это процесс преобразования. Творить значит поместить себя в определенное место и затем осмыслить его — художественная практика Мамедовой стимулирует чувство неуверенности, питает экспериментальный подход. Название серии сделанных художницей красно-бурых фотоизображений — «Конфетные горы» (речь о необычной расцветке горы Алтыгаач) — отчасти вдохновило название выставки современных азербайджанских художников «Конфетные горы, нефтяные берега», которая состоялась в Музее PERMM в 2015 году. В 2014 году презентация

этой же фотосерии стала дебютом Мамедовой в британской художественной среде: художница представляла Азербайджан на первой ярмарке молодых художников и галеристов START Art Fair, организованной лондонской галереей Saatchi. Назрин несколько раз была приглашенным художником в арт-резиденциях — в частности, в лондонской организации Delfina Foundation и международной художественной студии Khoj International Workshop на Гоа (Индия). Ее работы находятся в музейных и частных коллекциях в России, Иордании, Соединенном Королевстве и Азербайджане.

Сурайя Муганлы (Зейналова) (1957)

Взяв себе творческий псевдоним «Муганлы», по-средневековому обозначив свою принадлежность к территории своего проживания, Сурайя Зейналова, сама того не осознавая, последовательно конструирует образ андерграундной художницы.

После окончания учебы в Художественном Училище имени Азима Азимзаде художнице пришлось оставить мечты о столице и вернуться по требованию отца в родной Саатлы. На малой родине, Сурайя увлеклась коллекционированием артефактов и изучением истории родного края. Именно на базе созданной частной коллекции, по инициативе местной администрации был основан краеведческий музей Саатлинского района, директором которого Сурайя Зейналова является с 1983 года. С началом Карабахской войны, Сурайя пошла добровольцем на фронт. Безусловно годы, проведенные в самых горячих точках, оставили неизгладимый след и закалили характер художницы. Уже в последующие годы Сурайя столкнулась еще с одним испытанием — из

ее музея похитили ценные экспонаты. Ценой невероятного упорства, с привлечением Интерпола, Сурайе все же удалось вернуть музейные ценности из Израиля.

Если в начале творческого пути у Сурайи Муганлы было несколько выставок в Баку, то в последнее время она работает в стол и живет делом своей жизни — музеем. С работами, также как и с самой художницей, можно познакомиться, посетив Саатлы, находящийся в 180 километрах к юго-западу от Баку.

Нияз Наджафов (1968)

Профессиональный спортсмен, солдат, мастер и тренер рукопашного боя, полицейский, Нияз Наджафов перепробовал множество профессий, прежде чем полностью посвятил себя искусству в 2003 году. Самостоятельно обучившись живописи и скульптуре, Наджафов стремительно ворвался на азербайджанскую, а позднее и на мировую художественную сцену — и покорила ее благодаря искренности, наивности, самоотдаче и одержимости, с которыми он погружается в процесс творчества. Его стиль — непричесанный, страстный, энергичный — отражает жизненную позицию автора. Его работы многократно экспонировались на групповых и персональных выставках в галереях и музеях — в частности, в бакинском Музейном центре (2017), Музее современного искусства Нинбо (2014), римском Национальном музее искусств XXI века MAXXI (2013). Наджафов представлял Азербайджан на 53-й Венецианской биеннале в 2009 году. Его работы находятся в собрании Альберто Сандретти, бакинском Музее современного искусства и Музее современного искусства Тренто и Роверето (MART).

Вюсал Рагим (1987)

Мультимедийный художник и перформансист Вюсал Рагим работает на стыке жанров. Вдохновляясь человеческим телом, Рагим практикует уникальный подход к фигуративной образности. Применяя эту оптику, он анализирует социальные ожидания и гендерные роли, выявляя грани, которые нередко заперты в дальних глубинах культурной памяти. Воплощая свои художественные замыслы, художник задается краеугольными вопросами бытия — о культуре, идентичности, гендере и общественных ценностях. Он выявляет противоречия между явными и неявными табу, и его творчество побуждает зрителя критически взглянуть на собственное положение в рамках своей культуры. Вюсал Рагим участвовал в коллективных выставках в Азербайджане, Грузии, Франции, Турции, США и России. Его произведения экспонировались на выставке «Конфетные горы, нефтяные берега» (2015) — проекте Музея PERMM, посвященном современному азербайджанскому искусству. В Баку прошли персональные выставки художника — в галерее YAY (2013), театре ADO (2017) и на выставочной площадке молодых художников ARTIM (2018).

Марал Рахманзаде (1916–2008)

Хотя Марал Рахманзаде была первой в истории Азербайджана женщиной-художницей ее имя мало кому известно кроме искусствоведов. В 14 лет Рахманзаде покинула Мардакяны, небольшое село на Апшеронском полуострове, и поступила в Азербайджанский государственный художественный техникум в Баку. Она продолжила об-

разование в Суриковском институте, но из-за смерти отца не смогла остаться и продолжить творческий путь в Москве. Вторая мировая война стала поворотным пунктом в творческой биографии художницы: она начала рисовать героев тыла — женщин у станка и нефтяников, а позднее принялась за создание акварельных рисунков с натуры и серий линогравюр, чем и продолжала заниматься на всем протяжении своего плодотворного творческого пути. Ее работы, романтизирующие индустриальные пейзажи и восхваляющие нефтяников, повлияли на творчество Саттара Бахлулзаде, Таира Салахова и других живописцев, которые вместе с ней ездили по регионам и нефтяным месторождениям Азербайджана на пленэр.

Айдан Салахова (1964)

В творчестве Айдан Салаховой исследуется женская сексуальность. Кроме того, художница искусно сочетает восточные и западные стили и символы. Чувственные, а иногда и чересчур провокационные, произведения Салаховой демонстрируют разнообразные грани ее таланта, а также ее способность работать с различными материалами, в том числе с мрамором, который стал средоточием ее творческой энергии. Выпускница Суриковского института Айдан Салахова долгие годы занималась различными формами художественного самовыражения, одновременно руководя коммерчески успешной галереей, преподавая в родном вузе и наставляя начинающих художников в Айдан студии. Салахова многократно участвовала в коллективных выставках в разных точках планеты — Азербайджане, России, Великобритании и ОАЭ.

За плечами у художницы немало и персональных выставок, включая такие как «Откровения: новые работы Айдан» в лондонской галерее Saatchi (2016) и «Персидские миниатюры» в дубайской галерее Cuadro (2012). Произведения Салаховой находятся в частных собраниях и в коллекциях российских музеев — в частности, в Третьяковской галерее, Московском музее современного искусства и Фонде культуры «Екатерина», а также в бельгийском Музее Фелисьена Ропса и немецком Teutloff Museum.

Фархад Фарзали (1989)

Мультимедийный художник Фархад Фарзали занимается антропологическими исследованиями культурного контекста Азербайджана и собирает необычные образцы неофольклора. Используя живопись, инсталляции, видео и звук, Фарзали смешивает в своих работах абсурд, наблюдения за социумом и самоиронию. Его творчество очень остроумно и вызывает разносторонние реакции у зрителей. Фархад Фарзали представлял Азербайджан на бакинской биеннале «Алюминий» в 2007, 2009 и 2012 годах, Ташкентской международной биеннале современного искусства в 2013 году, 4-й Московской международной биеннале молодого искусства в 2014-м и 6-й Московской биеннале в 2015-м. Художник участвовал в групповых выставках, включая «Конфетные горы, нефтяные берега», где также выступил сокуратором, в Музее PERMM в 2015 году, «Триста слов сопротивления» в Центре современного искусства YARAT, «Опыты нечеловеческого гостеприимства» в Московском музее современного искусства в 2017 году, а также в передвижной выставке

Fly to Baku (2011–2012) и «Граница» (Die Grenze) (2017–2019). В последние годы в Баку, Москве и Венеции состоялись персональные выставки художника. Его работы приобретены бакинским Музеем современного искусства, Национальным музеем искусств Азербайджана и Центром современного искусства YARAT, а также частными коллекционерами из Азербайджана, Франции, Италии, ОАЭ, России, Новой Зеландии и Соединенного Королевства.

Ирина Эльдарова (1955)

Уроженка Москвы Ирина Эльдарова обучалась в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и Суриковском институте (Москва). Ирина Эльдарова работает с разными материалами — она создала мраморные рельефы для станции бакинского метро Халглар Достлугу, но наибольшую известность ей принесли яркие фигуративные картины маслом, сюжеты которых нередко отмечены тонким юмором. В серии картин «Девушки предпочитают нефтяников», созданных в необычной палитре и обыгрывающих гламурные образы середины XX века, исследуются изменения гендерных ролей и ценностей постсоветского Азербайджана. У Ирины Эльдаровой за плечами более двух десятков персональных выставок в Азербайджане и за его пределами, в том числе и важнейший в биографии художницы проект «Девушки предпочитают нефтяников», представленный зрителям в 2017 году в бакинской галерее YAY и Российской академии художеств в Москве, а в 2019-м — в Лондоне. Участвовала художница и в групповых выставках, включая бакинскую Международную биеннале «Алюминий»

(2007, 2013) и выставку современного азербайджанского искусства Fly to Baku, представленную в галерее Phillips de Pury & Company и художественном центре Mansion Salomon de Rothschild, на выставочной площадке Me Collectors Room room, в Национальном музее искусств XXI века MAXXI (Рим), Музее истории искусств (Вена), Мультимедиа Арт Музее, Москва, а также в Центре Гейдара Алиева. Работы Ирины Эльдаровой были приобретены музеями современного искусства в Москве и Баку, а также владельцами частных коллекций из Азербайджана, России, Франции и Соединенного Королевства.

Зарнишан Юсиф (1985)

Выпускница Азербайджанской государственной академии художеств, где она училась на дизайнера. С 2009 года Зарнишан Юсиф занимается искусством, полностью посвятив себя живописи. За прошедшее десятилетие Юсиф неоднократно удостоивалась наград от Союза художников Азербайджана и часто выставлялась в Азербайджане и за его пределами, в том числе и на эпохальной передвижной выставке Fly to Baku, посвященной современному азербайджанскому искусству. Она регулярно участвует в художественных проектах Фонда Гейдара Алиева и общественных культурных мероприятиях. В 2019 году художнице было доверено представлять Азербайджан на 58-й Венецианской биеннале современного искусства.

Agil Abdullayev (1992)

A multidisciplinary artist and public art practitioner, Agil Abdullayev primarily works with moving image, performance and photography. Abdullayev's works aim to facilitate a dialogue of identity and society with the contrast of the subjects such as femininity and masculinity, public life and private life, politics and society, western and eastern cultural standards and bridging the spaces between these subjects. Agil graduated from BA Fine Arts with First Class Honour at Nottingham Trent University (2018), and has been selected for several awards and grants, such as Bloomberg New Contemporaries in 2018, Attic Residency by One Throseby Street in Nottingham, UK; "Arts and Culture" grant by Swiss Cooperation Office. Abdullayev's works were shown in group and solo exhibitions such as Tbilisi Photo Festival, 2019; The Photographers' Gallery London, 2019; Liverpool Biennial, 2018; The Wrong—New Digital Art Biennale, 2017; Tate Modern, 2016; 4th Moscow International Biennale for Young Art, 2012.

Tora Aghabayova (1979)

After obtaining her MA degree in Fine Art Painting from Azerbaijan State Academy of Fine Arts in 2002 Tora Aghabayova had lived in Shanghai, China and currently resides in Berlin, Germany. Her classical art training is epitomized in detail-oriented draughtsmanship in which one may trace both Soviet realism, Renaissance and Romanticism references. Her artworks, be it a depiction of imaginary creatures populating the Caspian Sea or landscapes, emit positive energy and humor. Many of Tora's works represent female gaze on sexuality that instead of objectification playfully use visual

language of an Orientalist painting to depict quotidian life scenes. Her works featured in the Azerbaijani National Pavilion at the 52nd Venice Biennale in 2007, and group exhibitions at the Manege Central Exhibition Hall in 1999, Centre for Contemporary Art, Stavanger in 2010, PERMM Museum in 2011 and 2015, Voluntary Art Liaison, Berlin in 2018 and Cyprus Museum of Modern Arts in 2019, which acquired her works for the permanent collection. Tora took part in *Fly to Baku* traveling exhibition (2011–2012) and *Candy Mountains and Oil Coasts* exhibition at PERMM Museum (2015) dedicated to Azerbaijan's contemporary art scene.

Faig Ahmed (1982)

Faig Ahmed is best known for conceptualizing Azerbaijani carpet and reinventing its aesthetics. His works reimagine ancient crafts and create new visual boundaries by deconstructing traditions and stereotypes. In 2007 he represented Azerbaijan at the nation's inaugural pavilion at the Venice Biennale in 2007 as well as took part in the *Love Me, Love Me Not* group exhibition at 2013 Venice Biennale and the 11th Mercosul Visual Arts Biennial in 2018. In 2013, he was shortlisted for Jameel Prize 3, award of the Victoria and Albert Museum in London. In the past years Faig Ahmed's works have been shown in several museum group shows at the Museum of Fine Arts, Boston; Bellevue Arts Museum, Washington; Museum of Contemporary Art Cleveland; Milwaukee Institute of Art and Design; Museum of Applied Arts and Sciences, Sydney; Museum of Old and New Art, Tasmania. Faig Ahmed had solo shows at the Museum of Contemporary Art of Rome (MACRO) in 2016, YARAT Center

and Textile Museum of Sweden, Borås in 2017. His works are in public collections in the United States, including Los Angeles County Museum of Art, Seattle Art Museum, Palm Springs Museum of Art, RISD Museum, Chrysler Museum of Art; Bargoin Museum, France; The National Gallery of Victoria, Australia, Arsenal Contemporary Art, Canada as well as private collections.

Orkhan Huseynov (1978)

Orkhan Huseynov is Baku based multimedia artist. Interest and admiration of Azerbaijan's oral, applied art traditions and history are the core of Huseynov's multifaceted art practice. Interwinding local context with pop culture and society's most critical topics, Huseynov has developed a recognizable style—genuine, whimsical and intellectual in the essence. He has exhibited extensively both in Azerbaijan and abroad in group shows at Heydar Aliyev Center, Baku; Kunsthistorisches Museum, Vienna; MAXXXI, Rome; Me Collectors Room, Berlin; Phillips de Pury gallery; *Love Me, Love Me Not*, 55th Venice Biennale Collateral Event in 2015, The Shelley & Donald Rubin Foundation in 2017 and had solo exhibitions at Tropenmuseum, Amsterdam in 2003 and YARAT contemporary Art Space, Baku in 2017.

Mahabbat Kazimova (1992)

As a 22-year-old graduate of the National Academy of Arts, Department of Decorative and Applied Arts, Mahabbat Kazimova returned to her hometown of Goychay. She has been doing tapestry in the recent years, herself making both the sketches and weaving of small carpets. Participant of numerous national

exhibitions hosted by the Union of Artists of Azerbaijan, and group exhibitions in the Baku Museum Center. Had her first solo exhibition in Goychay in 2019.

Medina Kasimova (1995)

Medina Kasimova is a young, up-and-coming artist, a graduate of Andriyaka Academy of Watercolor and Fine Arts. Having received a classical education, the artist continued to work with painting and drawing, bravely experimenting with different approaches to develop her own unique artistic language. Her first solo exhibition took place at the Multimedia Art Museum, Moscow in 2018. In October 2019, the artist took part in SAM FAIR of contemporary art at the Street Art Museum in Saint Petersburg.

Nazrin Mammadova (1989)

Nazrin Mammadova is a Kutaisi born Baku based Azerbaijani interdisciplinary artist whose practice is comprised of the exploration of experience itself. Working in a variety of practices, including visual arts, new media art, and sound-design, she engages broader interdisciplinary inquiry in dialogue with other disciplines and systems of knowledge. Nazrin Mammadova is committed to art as a transformational practice. Seeing production as a process of putting herself in a particular place and then understanding it, her art practice nurtures uncertainty, feeding the experimentalist experience. Nazrin Mammadova's *Candy Cane Mountains* series of lurid photographs were included and partially inspired the title of contemporary art show *Candy Mountains and Oil Coasts* an exhibition at PERMM (2015) dedicated to Azerbaijan's contemporary art scene. In 2014 same body of work represented Azerbaijan

during the inaugural START Art Fair held at the Saatchi Gallery, London, marking artists' first UK art fair. Nazrin has been to a number of international art residences including the Delfina art Foundation, London, UK., KHOJ International, Goa, India amongst few and her works are collected for public and private collections in Russia, Kingdom of Jordan, England, UK, and Azerbaijan.

Surayya Mughanli (Zeynalova) (1957)

Assuming the alias "Mughanli", thus taking to the medieval tradition of demarcating one's territorial belonging to the place of residence, Surayya Zeynalova has been unwittingly constructing a consistent image of an underground artist.

After graduating from the Artistic School named after Azim Azimzade, the artist had to give up dreams about the capital and return at the request of her father to her native Saatli. Back there, Surayya became interested in collecting artifacts and studying the history of her native land. As her private collection grew, she received an offer from the local administration to found the Local History Museum of the Saatli region and directorship position in 1983. With the outbreak of the Karabakh war, Surayya volunteered for the front. Of course, the years spent in the war left an indelible mark and tempered the character of the artist. In the following years, Surayya faced yet another test—valuable exhibits were stolen from her museum. At the price of incredible perseverance, with the involvement of Interpol, Surayya managed to return museum values from Israel.

Her artistic career opened with a number of solo shows in Baku, however, Surayya has not been exhibiting as often recently and is better known as the well acclaimed museum director. Surayya Zeynalova

nonetheless continues to paint, creating both larger canvases and smaller drawings. The artist herself and her works are available to get acquainted with by visiting Saatly 180 km southwest of Baku.

Niyaz Najafov (1968)

A professionally trained sportsman, a soldier, a hand-to-hand fighter and coach, a policeman—Niyaz Najafov has tried himself in many professions prior to fully dedicate himself to art in 2003. A self-taught artist and sculptor, he rushed in Azerbaijani, and later, international art scene winning over with his sincerity, naivety, commitment and obsession with which he treats the act of creation. His style is wild, passionate and energetic and mirrors Najafov's approach to life. Niyaz Najafov's works have been included in numerous group and solo exhibitions in galleries and museums, including The Museum Centre, Baku (2017); Ningbo Museum of Art (2014); MAXXI, Rome (2013). Najafov represented Azerbaijan at the 53rd Venice Biennale in 2009. His works are in collections of Alberto Sandretti, the Baku Museum of Modern Art, and the Museum of Modern and Contemporary Art of Trento and Rovereto.

Vusal Rahim (1987)

Vusal Rahim is a multidisciplinary, multimedia artist and performer. In his artwork, Rahim expresses a unique perspective on figurative images, using the human form as his inspiration. Through this lens, he analyzes social expectations and gender roles, illuminating things which are often buried deep within cultural memory. Through the embodied form he confronts major life questions about culture, identity, gender and societal values. He illuminates

the friction between spoken and unspoken taboos, and through his work, invites viewers to examine their own agency within their culture. Vusal Rahim took part in group exhibitions in Azerbaijan, Georgia, France, Turkey, USA and Russia. He was included in *Candy Mountains and Oil Coasts* exhibition at PERMM (2015) dedicated to Azerbaijan's contemporary art scene. Rahim had solo shows in Baku at YAY gallery (2013), ADO Theatre (2017) and ARTIM Project Space (2018).

Maral Rahmanzadeh (1916–2008)

Despite being the first professional female artist from Azerbaijan, Maral Rahmanzadeh is little known outside of academic art circles. At the age of fourteen Rahmanzadeh moved from Mardakan, a small religiously conservative village on Absheron peninsula, to study at Azerbaijan State Technical School of Arts in Baku. She continued her education at Surikov Art Institute in Moscow, but her father's death precluded her from remaining in Moscow to pursue her career. Second World War has left a mark on Maral Rahmanzadeh's artistic practice: she started to depict the heroes on the home fronts – women workers and oilmen – which later evolved into life watercolour drawings and linocuts series that she continued to produce throughout her prolific life. These works romanticizing industrial landscapes and glorifying oil workers have influenced Sattar Bahlulzade, Tair Salakhov and other artists to join her plein air sessions to the oil fields and regions of Azerbaijan.

Aidan Salakhova (1964)

Aidan Salakhova works investigate female sexuality. Aidan Salakhova has also mastered combination of Oriental and Western visual language and symbolism.

Sensual and at times too provocative, the artworks reveal the multiple facets of artist's talents and ability to work with various materials, including marble—her recent main medium. A graduate from Surikov Art Institute in Moscow, for many years Aidan Salakhova combined her versatile artistic practice with running a commercially successful art gallery as well as teaching at her alma mater and mentoring young artists at Aidan Studio. She participated in many different group exhibitions across the world in Azerbaijan, Russia, the UK, Germany and UAE. Aidan Salakhova is also known for a variety of her solo exhibitions, including such projects as *Revelations: New Work by Aidan* in London at Saatchi Gallery (2016) and *Persian Miniatures* in Dubai at Cuadro Gallery (2012). Her works are in public collections in Russia, including the State Tretyakov Gallery, Moscow Museum of Modern Art, Ekaterina Foundation; Musée Félicien Rops, Belgium; Teutloff Museum, Germany as well as private collections.

Farhad Farzali (1989)

Multimedia artist Farhad Farzali engages in anthropological research on the Azerbaijan cultural context and the cataloguing of striking forms of neo-folklore. Farzali mixes puns, social content and self-irony in his works by using paintings, objects, video and sound. His artistic practice is deeply intellectual reflected in multiple layers of experiencing his artworks. Farhad Farzali represented Azerbaijan in Aluminium Biennial in 2007, 2009 and 2012, Tashkent International Contemporary Art Biennial in 2013, 4th Moscow International Biennale for Young Art in 2014, The 6th Moscow Biennale in 2015. Selected group shows include *Candy Mountains, Oil Shores* at PERMM in 2015 (co-curator and participant), *300 Word of Resistance* at

YARAT Contemporary Art Centre, *Hosting the Inhuman* at MMOMA in 2017, *Fly to Baku* (2011–2012) and *Die Grenze* (2017–2019) traveling exhibitions. He had solo exhibitions in recent years in Baku, Moscow and Venice. Represented in the collection of the Museum of Modern Art in Baku, Azerbaijan National Museum of Fine Arts and YARAT Contemporary Art Space and in private collections in Azerbaijan, France, Italy, UAE, Russia, New Zealand and UK.

Irina Eldarova (1955)

Irina Eldarova was born in Moscow and educated at the Saint-Petersburg State Academy and Surikov Art Institute. Irina Eldarova works in a variety of media and has been commissioned marble reliefs for Baku's Halglar Dostlugu metro station, yet she is best known for her bright figurative oil paintings in which she often selects topics with subtle humor. *Girls Prefer Oilmen* series painted in mid-20th century glam with unconventional color palette explores the change in gender roles and values in post-Soviet Azerbaijan. Irina Eldarova had over two dozen solo shows in Azerbaijan and abroad, including seminal in the artist's career *Girls Prefer Oilmen* that was shown in Baku's Yay Gallery and Moscow's Academy of Art (2017) and in London (2019). Selected group exhibitions include participation at Aluminium Baku Biennial (2007, 2013) and *Fly to Baku* that has been shown at Phillips de Pury & Company, Mansion Salomon de Rothschild, Me Collectors Room room, MAXXI National Modern Art Museum, Kunsthistorisches Museum Wien, Multimedia Art Museum Moscow and Heydar Aliyev Center. Irina Eldarova's works are in MMOMA, MoMA Baku and private collections in Azerbaijan, Russia, France and UK.

Zarnishan Yusif (1985)

A graduate of Baku Art Academy, Zarnishan Yusif is a professionally trained designer. She has been developing her artistic practice and fully dedicating herself to painting since 2009. In the past decade Yusif received multiple awards from the Union of Artists of Azerbaijan and exhibited frequently both in Azerbaijan and abroad, including *Fly to Baku*, a seminal traveling exhibition of contemporary art from Azerbaijan. She regularly takes part in Heydar Aliyev Foundation art projects and public art projects. In 2019 Zarnishan Yusif was selected to represent Azerbaijan at the 58th Venice Biennial of Contemporary Art.

Благодарности

Выставка организована при поддержке Посольства Азербайджана и Министерства культуры Азербайджана

Посольство
Азербайджанской Республики
в Российской Федерации

Галерея выражает благодарность за помощь в организации выставки:

Фархаду Ахмедову
Мехраджу Бабаеву
Марку Гарберу
Ульви Касимову и его семье
Эльчину и Диляре Сафаровым
Искендеру Халилову

Acknowledgements

The exhibition is organized with the support of the Embassy of the Republic of Azerbaijan and the Ministry of Culture of the Republic of Azerbaijan

Ministry of Culture
of the Republic of Azerbaijan

The gallery expresses gratitude for the support of the exhibition to

Farkhad Akhmedov
Mehradzh Babayev
Mark Garber
Ulvi Kasimov and his family
Iskender Khalilov
Elchin and Dilara Safarovs

**Издание приурочено к выставке
EXTENSION.AZ: Бархатные признания
21 декабря 2019 — 19 января 2020**

ГАЛЕРЕЯ «ТРИУМФ»

Емельян Захаров, Дмитрий Ханкин, Вера Крючкова, Ольга Ковачева, Марина Бобылева, Михаил Марткович, Кристина Романова, Григорий Мелекесцев, Валентина Хераскова, Алексей Шервашидзе, Владимир Чуранов, София Ковалева, Константин Алявдин, Наиль Фархатдинов, Никита Семенов, Анастасия Лебедева, Полина Могилина, Александра Высоцкая, Мария Савельева, Кристина Павлова, Ксения Лукьянова, Ирина Литвякова, Александра Гульгина, Артур Князев, Анастасия Дымова

КУРАТОР

Асли Самедова

ТЕКСТЫ

Асли Самедова, Фуад Ахундов, Лейли Салаева, Марина Бобылева

ПЕРЕВОД

Федор Махлаюк, Мария Соловьева, Фуад Ахундов

РЕДАКТОРЫ

Наиль Фархатдинов, Артур Князев

КОРРЕКТОР

Александр Образумов

ДИЗАЙН, ВЕРСТКА И ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ

Анастасия Дымова

Медиапартнеры:

 РОССИЯ СЕГОДНЯ

DEYİLMƏYƏNLƏRİ
DEYİRİK
SPUTNIK.AZ

L'OFFICIEL
voyage

Особая благодарность Антону Ерунцову за искреннюю и бескорыстную поддержку деятельности галереи «Триумф».

Тираж 500 экз. Отпечатано в типографии «Август Борг».

ISBN 978-5-6043051-2-6

Все права защищены. Предоставленные материалы и их фрагменты не подлежат воспроизведению, тиражированию, любого вида распространению, размещению в Интернете без письменного согласия правообладателя и издателя данного каталога.

Работы © Авторы

Тексты © Авторы

© Галерея «Триумф», 2019

© Анастасия Дымова, 2019 (дизайн)

**Edited on the occasion of exhibition
EXTENSION.AZ: Off the Velvet Chest
December 21, 2019—January 19, 2020**

TRIUMPH GALLERY

Emeliyan Zakharov, Dmitry Khankin, Vera Kryuchkova, Olga Kovacheva, Marina Bobyleva, Mikhail Martkovich, Kristina Romanova, Grigory Melekestsev, Valentina Kheraskova, Alexey Shervashidze, Vladimir Churanov, Sofiya Kovaleva, Konstantin Alyavdin, Nail Farkhatdinov, Nikita Semenov, Anastasia Lebedeva, Polina Mogilina, Alexandra Vysotskaya, Maria Savelyeva, Kristina Pavlova, Ksenia Lukyanova, Irina Litviakova, Alexandra Gulgina, Artur Knyazev, Anastasia Dymova

CURATORS

Asli Samadova

TEXTS

Asli Samadova, Fuad Akhundov, Leyli Salaeva, Marina Bobyleva

TRANSLATION

Fedor Makhlayuk, Maria Solovieva, Fuad Akhundov

EDITORS

Nail Farkhatdinov, Artur Knyazev

TECHNICAL EDITOR

Alexander Obrazumov

DESIGN, LAYOUT & PREPRESS

Anastasia Dymova

Media partners:

 РОССИЯ СЕГОДНЯ

DEYİLMƏYƏNLƏRİ
DEYİRİK
SPUTNIK.AZ

L'OFFICIEL
voyage

A special thanks goes to Anton Eruntsov for his sincere and selfless support of Triumph Gallery.

Edition 500. Printed at Avgust Borg, Moscow.

ISBN 978-5-6043051-2-6

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in any retrieval system or transmitted in any form or by any means, electrical or otherwise without first seeking the written permission of the copyright holders & publisher.

Works © Artists

Texts © Authors

© Triumph Gallery, 2019

© Anastasia Dymova, 2019 (design)

